

Книга II

Книга II

Алексей Ракитин

**Американские трагедии.
Хроники подлинных
уголовных расследований
XIX – XX столетий. Книга II**

«Издательские решения»

Ракитин А.

Американские трагедии. Хроники подлинных уголовных расследований XIX – XX столетий. Книга II / А. Ракитин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-538836-0

Вторая книга серии. Сборник очерков, посвященных малоизвестным событиям американской криминальной истории разных лет. Помимо необычных и полных драматизма сюжетов в представленных очерках можно увидеть подлинную картину общественной жизни США XIX — XX столетий, специфику правоприменения и особенности работы правоохранительного сообщества той поры. В сборник вошли очерки, посвященные серийным убийцам Маджету-Холмсу и ZODIAC'у, а также таинственному убийству в 1907 г. предпринимателя Фрэнка Тодда.

ISBN 978-5-00-538836-0

© Ракитин А.

© Издательские решения

Содержание

1895 год. Дом смерти на 63-й улице	6
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Американские трагедии Хроники подлинных уголовных расследований XIX – XX столетий. Книга II

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2022

ISBN 978-5-0053-8836-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0053-5460-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1895 год. Дом смерти на 63-й улице

Последняя треть 19-го столетия ознаменовалась чередой преступлений, поразивших воображение цивилизованных людей того времени.

Человечество открыло для себя для неслыханный до той поры феномен – «серийные убийства» – хотя сам этот термин был придуман американским криминальным психологом, сотрудником ФБР Р. Ресслером столетием позже. В Великобритании мрачное первенство серийного убийцы имел так и непойманный Джек-Потрошитель, открывший счет своим жертвам в 1888 г. Во Франции таковым можно считать молодого педераста Жана Батиста Троппмана, разоблаченного и казненного в 1869 г. В США первым известным убийцей такого рода явился Германн Маджет, начавший свою преступную карьеру в примерно в то же время, что и лондонский Потрошитель, но оказавшийся не в пример более кровожадным.

О нём этот очерк.

Утром 4 сентября 1894 г. инженер Юджин Смит (Eugene Smith) явился в офис в доме №1316 по Кэллоухил-стрит (Callowhill street) в г. Филадельфия, занятый адвокатом Бенджамином Перри. Смит познакомился с Перри приблизительно двумя неделями ранее, если быть совсем точным – то 22 августа – и встречался с адвокатом буквально через день. Смит интересовался некоторыми аспектами американского патентного права и консультировался у Перри.

Итак, около 10 часов утра Юджин подошёл к офису адвоката и с удивлением обнаружил, что дверь незаперта. Миновав прихожую и войдя в кабинет, Смит испытал ужас, увидев хозяина офиса лежащим на полу без признаков жизни. Борода адвоката была обожжена, а лицо мало того, что оказалось перепачкано кровью, так ещё и выглядело как будто бы закопченным. На полу рядом с телом блеснули осколки стекла.

Смит закричал, выскочил в коридор и позвал соседей, выбежав на улицу, обратился к прохожим в поисках врача. Врач, кстати, быстро появился, прошёл в офис адвоката, но к оказанию помощи даже не приступил. Простейшим осмотром он установил, что владелец офиса мёртв уже довольно давно – счёт идёт на многие часы – и констатировал это, удалился.

На месте происшествия появилась полиция, в скором времени прибыли представители службы коронера – помощник коронера, секретарь, дежурный врач. После осмотра трупа на месте его обнаружения врач Уильям Скотт (William J. Scott) уверенно заявил, что адвокат Перри умер примерно двое суток назад.

Обстановка на месте происшествия недвусмысленно указывала на причину смерти: открытая бутылка с керосином на столе, коробка спичек, лежавшая там же, керосиновая лампа без колпака и закопченные изнутри кусочки этого самого стеклянного колпака на полу навели на мысль о попытке Бенджамином Перри в последние минуты жизни зажечь свет. Опаленная борода адвоката и следы сажи на его лице свидетельствовали о том, что попытка эта оказалась неудачна: лампа дала слишком сильный огонь и опалила его лицо, из-за чего Перри потерял равновесие, неудачно упал и в падении сбил стеклянный колпак на пол. Но самое неприятное заключалось даже не в этом – при падении адвокат ударился правым виском об угол стола, в результате чего на голове осталась соответствующая рана, а на столе – следы крови. После падения адвокат, возможно, пережил сердечный приступ или инсульт, впрочем, нельзя было исключать того, что плохо ему стало ещё до того, как он попытался зажечь свет. Что именно послужило причиной смерти должна была прояснить аутопсия, но в целом обстановка на месте происшествия выглядела довольно тривиальной и не указывала на наличие у произошедшего какого-либо криминального подтекста.

Осмотром одежды и имущества было установлено, что ценные вещи и деньги умершего не пропали, поэтому не было оснований подозревать кражу. Уборщица, посещавшая офис раз в четыре дня, заявила, что никаких перемен в обстановке не видит. Это утверждение укрепило

уверенность полиции в том, что смерть адвоката не маскировала попытку ограбления и имела естественную причину.

Тело умершего забрали в морг и наступило время скорбных формальностей. Бенджамин Перри в Филадельфии не знали, он появился в городе буквально за месяц до смерти и никак себя проявить не успел. Следовало найти его родственников и оповестить их о трагическом происшествии. Перри выглядел достаточно молодо, лет на 35, и он наверняка должен был иметь родственников.

Опросом соседей и уборщицы удалось установить, что Перри вёл довольно замкнутый образ жизни, что выглядело несколько странно для человека его профессии, да притом ещё очутившегося в новом для него месте. Адвоката навещал некий мужчина с весьма приметными бакенбардами, хорошее описание этого человека дал Юджин Смит, видевший его во время своего первого визита в офис адвоката – но имя этого посетителя в сентябре 1894 г. установить не удалось. Строго говоря, никто в полиции на сей счёт особо и не побеспокоился.

Из бумаг покойного следовало, что в Филадельфию он прибыл из Сент-Луиса. В управление шерифа этого города был направлен официальный документ, содержащий просьбу отыскать и проинформировать родных Бенджамин Перри о безвременной смерти адвоката. Однако из Сент-Луиса пришел ответ, что адвоката Перри в этом городе не знают и информацией о его родственниках не располагают.

Проведенное анатомирование тела умершего адвоката дало результат неожиданный. В желудке и лёгких оказался жидкий хлороформ, а в перикарде находилось мало крови, что не соответствовало картине инфаркта. Впрочем, клинической картине кровоизлияния в мозг хлороформ в лёгких и желудке тоже никак не соответствовал! Доктор Скотт, крайне озадаченный увиденным, заявил коронеру, что по его мнению погибший скончался от отравления хлороформом. Именно такая формулировка и была указана в качестве непосредственной причины смерти Бенджамин Перри.

Правда, никаких видимых последствий этот вывод коронерской службы не имел. Никто в полиции не бросился возбуждать расследование, ибо причины, по которым адвокат мог хлебнуть хлороформ могли быть самыми разными – от намерения покончить жизнь самоубийством, до случайной оплошности, при которой мужчина попросту перепутал бутылки с медицинским препаратом и спиртным. Кстати, в офисе Перри был найден и хлороформ, и разнообразное спиртное, причём всё хранилось в похожих граненых бутылках на одной полке. Так что ошибка представлялась более чем возможной!

Как предположил анатом, смерть Бенджамин Перри последовала примерно за сутки-двое до обнаружения тела. Труп лежал прямо перед выходящим на юго-восток окном, в результате чего прямые солнечные лучи в течение дня сильно его нагревали. Из-за этого процесс разложения зашёл довольно далеко. Действительно ли Перри упал подобным образом, или же некто побеспокоился на сей счёт и уложил труп так, чтобы максимально ускорить посмертные изменения плоти? Окружной коронер Эшбридж (Ashbidge) уклонился от ответа на это вопрос, предложив прокурору и полиции подумать на эту тему самостоятельно.

Ввиду плохого состояния тела и невозможности его длительного хранения, коронер предложил предать покойного земле.

На третий день с момента обнаружения, 6 сентября 1894 г., тело Бенджамин Перри было захоронено. К тому времени полиция не сумела отыскать знакомых или родственников умершего. Адвоката Перри похоронили за казенный счёт в общей могиле.

Прямо скажем, упокоиться во рве для нищих и больных опасными инфекционными заболеваниями – это довольно неожиданный финал жизни для человека, который по всем прикидкам был не только хорошо образован, но и должен был иметь определенный материальный достаток.

Но 24 сентября 1894 г. в полицейское управление Филадельфии обратился некий Джепта Хау (Jephtha D. Howe), адвокат из Сент-Луиса, заявивший, что он не может отыскать своего друга Перри, офис которого опечатан полицией.

Дело вроде бы стронулось с мертвой точки. Хау утверждал, что он хорошо знает и семью Перри, и некоторых его знакомых. Более того, Хау заявил, что Перри работал на него и появился в Филадельфии по его поручению. Узнав, что Перри умер и похоронен, адвокат Хау рекомендовал полицейским поставить в известность о случившемся страховую компанию «Fidelity Mutual Life», в которой покойный был застрахован на значительную сумму. Страховщики, получив сообщение полиции и наведя справки в службе окружного коронера, заявили, что у них нет страховки на Бенджамина Перри, а полис с указанным номером оформлен на Бенджамина Питезеля.

Фотография 1886 г. – захоронение тел малоимущих во рву. В Филадельфии тех лет трупы малоимущих, больных особо опасными инфекциями, казненных государственных преступников, а также неопознанные тела хоронили не в отдельных могилах, а в общем рве, буквально один над другим. Делалось это вне территории кладбищ. До сих пор на территории города находят неучтенные захоронения XVIII – XIX веков и всякий раз такое событие становится головной болью для городских властей, ведь в могилах могут находиться тела умерших от чумы, оспы, туберкулёза и иных особо опасных болезней! Примечательно то, что трупы казненных уголовных преступников зачастую возвращались родственникам и предавались земле на обычных кладбищах.

Хау пояснил, что его умерший коллега пользовался обеими фамилиями – Питезель и Перри. Первая принадлежала ему с рождения, вторая являлась своего рода служебным псевдонимом. В Филадельфии Питезель выполнял его, Хау, поручение и неудивительно, что его знали здесь под фамилией Перри.

Страховой компании явно не понравилась ситуация, в которую её поставил адвокат из Сент-Луиса. Что же это получается – страховку на сумму 10 тыс.\$ подписал человек с одной фамилией, а умер и похоронен человек с другой, при этом деньги надо выплатить родствен-

никам обладателя первой фамилии! Страховая выплата очень велика... застрахованный успел внести лишь первый взнос... как-то всё это сильно смахивает на мошенничество!

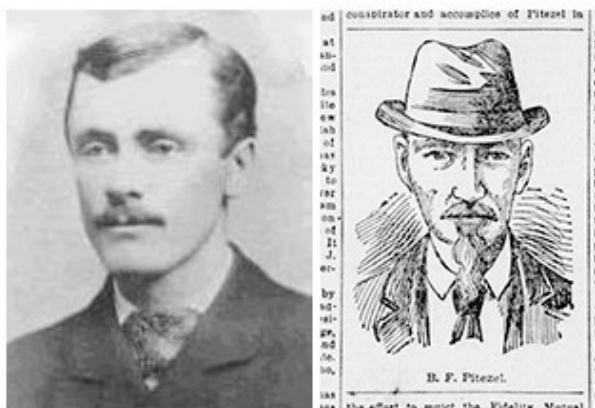
Дирекция страховой компании заявила, что не станет выплачивать деньги до тех пор, пока не будет доказано с абсолютной надежностью, что Бенджамин Перри действительно являлся Бенджамин Питезелем. Для этого требовалось провести эксгумацию и официальное опознание тела.

Джепта Хау отказался участвовать в этой процедуре единолично, но заверил полицейских и страховщиков, что немедленно вызовет в Филадельфию людей, способных такое опознание провести.

Буквально через день в Филадельфии появился некий господин Холмс, который привёз 14-летнюю дочь умершего адвоката Элис. Кроме того, Холмс имел при себе нотариально заверенную доверенность от вдовы Перри (которую почему-то звали Кэрри Кэнниг) на получение страховки в размере 10 тыс.\$. Сумма выплаты была по тем временам очень большой [женские туфельки в те времена стоили 3\$, промышленный рабочий зарабатывал в пределах 10—12\$ в неделю, а окружной прокурор ~250\$ в месяц].

Появление нового действующего лица ситуацию лишь запутывало. Ну, задумайтесь сами на секундочку, как всё это выглядело со стороны: вдова умершего почему-то не приезжает, но отправляет вместо себя несовершеннолетнюю девочку, страховку должен получить некий мужчина – Холмс – не являющийся родственником покойному, при этом он демонстрирует некую доверенность, оформленную от имени женщины, чья фамилия даже не совпадает ни с фамилией застрахованного, ни с фамилией умершего! Всё это выглядело как-то уж очень мутно и странно!

Представитель страховой компании, разумеется, занервничал и его можно понять – дело становилось всё более и более подозрительным.

Бенджамин Питезель. Слева фотография 1890 г., справа – рисунок из газеты 1894 года.

Опознание тела Перри-Питезеля было произведено прямо на кладбище для бедных на окраине Филадельфии 27 сентября 1894 г. сразу после эксгумации. Лицо погибшего подверглось уже значительному изменению и его закрыли платком. Шериф попросил Элис Питезель рассказать об особых приметах отца и девочка сообщила присутствовавшим о шраме на его правом колене и родинке на шее. Указанные ею знаки были обнаружены и продемонстрированы представителям страховой компании, полицейским и свидетелям. Составленный тут же протокол зафиксировал обстоятельства произошедшего.

Страховая компания попыталась было затянуть рассмотрение вопроса о выплате премии, но Хау пригрозил судебным иском и страховщики сдались. Холмс получил по доверенности

10 тыс.\$ и вся компания (Хау, Холмс и Элис Питезель) покинула Филадельфию. На этом дело вроде бы закончилось.

Но через две недели история со смертью Перри-Питезеля получила совершенно неожиданное продолжение. В тюрьме города Сент-Луис, за тысячу с лишним километров от Филадельфии, рецидивист Марион Хаджспет (Marion C. Hedspeth) сообщил начальнику тюрьмы о том, что располагает достоверной информацией об убийстве и страховом мошенничестве и готов поделиться этой информацией за смягчение режима содержания.

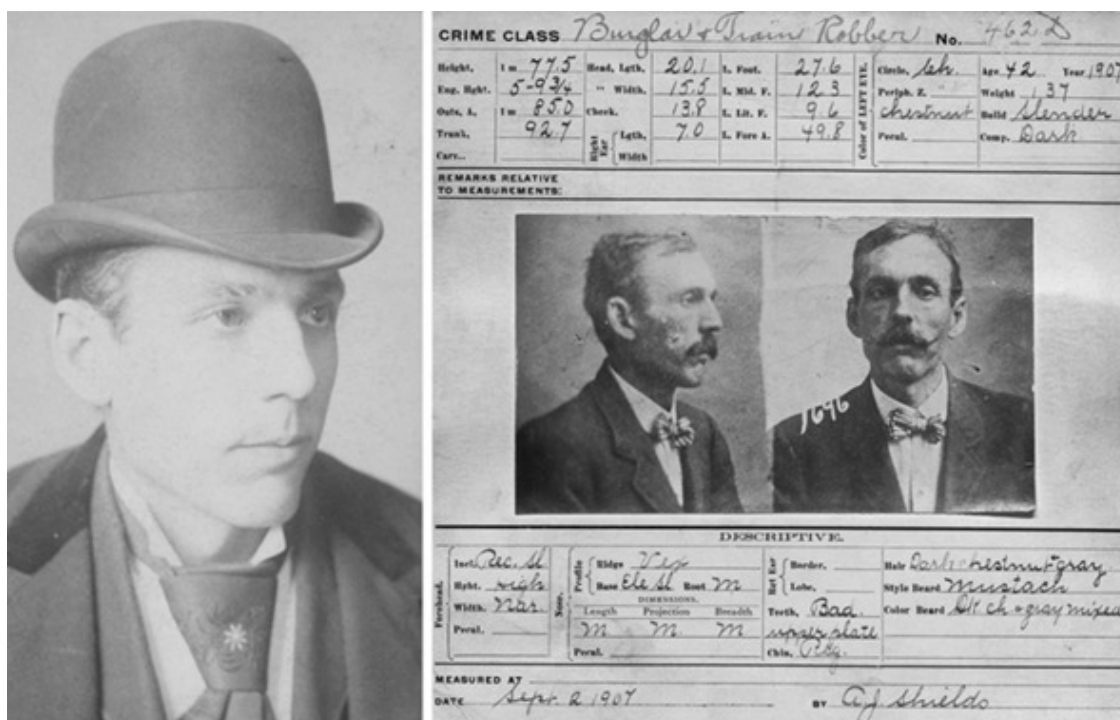
Сообщение это выглядело в высшей степени необычно и чтобы понять почему, следует сказать несколько слов о человеке, от которого оно исходило. В этом месте автор должен признаться, что когда впервые почитал о жизни и приключениях Мариона Хаджспета, то всерьёз задумался над тем, не написать ли о нём книгу. Марион Хаджспет, он же Марлон Хаджспет (Marlon C. Hedgpeth), он же Марлон Дэвис (Marlon Davis), он же Бэм Вудс (Bam Woods), он же Лайонел Уильямс (L L. Williams), он же Генри Свэнсон (H. V. Swanson), он же Джей Кларк (J. C. Clark) являлся человеком необычной судьбы и столь же необычного характера. Когда жизнь этого человека прервалась-таки в перестрелке с полицией, в одной из газет было написано о нём буквально следующее «оборвалась карьера преступника более отважного и отчаянного, нежели любой из бандитов когда-либо грабивших поезд или взрывавших банковский сейф» (на языке оригинала: «the career of a criminal who was daring and desperate as any bandit who ever held up a train or blew a bank safe.»). Согласитесь, это весьма необычный для уголовного панеригик!

Официально считается, что Марион Хаджспет родился в 1865 г., хотя детективное агентство Пинкертона в своей ориентировке на Хаджспета приводило другую дату – 1857 год. Учитывая то, что этот человек метался по всей стране, запутывая следы, меняя внешность и представляясь различными именами, удивляться подобным несоответствиям вряд ли следует. Хаджспет сам распространял о себе разного рода небылицы и недостоверные сведения.

Насколько можно судить по дошедшей до нас информации, Марион впервые попал в поле зрения правоохранительных органов ещё в 1883 г. в возрасте 18 лет. Он был арестован по обвинению в воровстве и осужден на 7 лет. Строгость приговора ясно свидетельствует о рецидивном характере правонарушения, иначе говоря, это был явно не первый арест молодого человека (просто информация о ранних арестах и обвинениях либо не сохранилась, либо пока что неизвестна историкам). Марион стойчески пробыл в заключении в штате Миссури 6 лет и вышел на свободу в 1889 г. на год ранее фактического окончания срока. Очевидно, он вёл себя в заключении примерно и продемонстрировал волю к исправлению.

Впрочем, исправиться Марион не смог. В течение нескольких последующих лет он организовал великое множество ограблений различной степени дерзости и эффективности. Какие-то из преступлений правоохранительным органам удавалось связать с его именем, какие-то – нет, но власти крепко подозревали Мариона в причастности к ним. В конце концов 10 февраля 1892 г. Хаджспета арестовали в Сан-Франциско по обвинению в ограблении поезда в Глендейле, штат Калифорния. Из Калифорнии его экстрадировали в Миссури, поскольку там ему грозило более тяжёлое наказание и «законники» были заинтересованы в том, чтобы упрятать энергичного грабителя за решётку на максимально длительный срок. После долгого и напряженного судебного процесса Марион Хаджспет был приговорён 28 сентября 1893 г. к тюремному заключению в 25 лет.

Хотя суд отмерил грабителю четверть века лишения свободы, тот отбыл в заключении немногим более 13 лет.

Слева: Марион Хаджспет, фотография 1891 года. Справа: учётная карточка, заполненная в Департаменте полиции Омахи после ареста Хаджспета 2 сентября 1907 г. В ней датой рождения указан 1865 год.

Выйдя на волю, Хаджспет недолго сидел без дела и в течение последующих полутора лет организовал и осуществил ряд дерзких грабежей. 2 сентября 1907 г. его арестовали в Небраске, но уже 8 марта 1908 г. Марион был отпущен на свободу под честное слово. Он поклялся, что никогда более не будет заниматься грабежом.

Выйдя на волю, Марион устроился на обувную фабрику в городе Миннеаполис, штат Миннесота, и какое-то время, по-видимому, действительно старался вести законопослушный образ жизни. Но наивно было бы ожидать, что человек, подобный Хаджспету, согласится вести рутинную жизнь фабричного рабочего, зарабатывая 12\$ в неделю.

Что именно толкнуло Хаджспета на его последнее преступление, мы в точности не знаем, быть может, неудержимый темперамент, а может – тривиальное безденежье. Но мы знаем, что 7 мая 1910 г. он отправился в Чикаго, и с пистолетом в руках вошёл в салон... Ограбление почти удалось, но один из работников заведения сообщил о нападении полицейскому патрулю. Хаджспет не смог сбежать и был вынужден отстреливаться. Патрульный Декер (Decker) смертельно ранил Мариона, тот жил ещё около часа, успел назвать себя и признать вину за последнее ограбление.

В общем, Марион Хаджспет являлся, по-видимому, человеком энергичным, предприимчивым, не лишённым живости ума и неких этических представлений, с той, разумеется, оговоркой, что этика даже благородного бандита остаётся этикой бандита.

И вот такой человек в октябре 1894 г. вдруг заявил администрации тюрьмы в Сент-Луисе, что готов сообщить ценные сведения об имевшем место совсем недавно крупном страховом мошенничестве. Поначалу сообщение Хаджспета не вызвало особого интереса, поскольку тот находился в заключении с февраля 1892 г., т.е. уже 2,5 года, а потому в лучшем случае кормился слухами, распространяемыми обычным трёпом сокамерников. Однако, Хаджспет клялся, что сможет сообщить самую точную и достоверную информацию с необходимыми для её проверки именами, датами и прочими сопутствующими деталями.

Начальник тюрьмы в конце-концов пошёл на сговор с уголовником и в результате услышал такую историю:

Весной 1894 г. Марион Хаджспет оказался в компании весьма интересного сокамерника, отбывавшего 3-месячный срок за попытку продажи участка земли по поддельным документам. Т.е. на самом деле этот человек натворил много других фокусов, в частности по подложным документам пытался купить морфий в фармацевтической компании «Меррил драг компани», продал украденных в Форт-Уорте лошадей и пр., но приговор он получил именно за двукратную продажу одного и того же участка земли разным покупателям. Сокамерник называл себя Генри Холмсом, но в приговоре суда его именовали Генри Праттом. В голове этого человека роились сотни оригинальнейших планов быстрого обогащения – этим-то он и стал интересен Хаджспету. Для реализации одного из многих своих планов Пратту-Холмсу нужна была поддержка опытного юриста. Хаджспет имел доверительные отношения с адвокатом Джептой Хау, дорогим и уважаемым в Сент-Луисе специалистом по уголовному праву. Марион предложил «свести» Холмса с адвокатом и подобающим образом представить друга, но взамен потребовал оплатить эту услугу. Холмс пообещал в случае успеха дела передать Хаджспету 500\$ – прямо скажем, очень неплохая плата за посредничество! Что именно Холмс хотел предложить адвокату, Хаджспет в тот момент не знал; ему было известно лишь то, что речь должна была пойти о хитроумном страховом мошенничестве: Хау должен был дать квалифицированную консультацию и, возможно, принять какое-то участие в преступной комбинации. Итак, Холмс через Хаджспета познакомился с Хау и спустя несколько недель благополучно вышел на свободу (кстати, помогла ему в этом молодая красивая жена, договорившаяся с истцами по другим криминальным эпизодам). Хаджспет остался сидеть в тюрьме и более со своим сокамерником не встречался.

Так звучало начало истории. Что же последовало далее?

Минули полгода. Хау периодически приезжал к своему клиенту, рассказывал разные новости. Из рассказов адвоката Хаджспет понял, что Холмс вроде бы отказался от намерения проверить страховое мошенничество. И вдруг в начале октября 1894 г. Джепта Хау появляется в тюрьме и со смехом рассказывает Хаджспету о том, что «дельце удалось». Оказалось, что Холмс, выдав своего безработного друга-алкоголика за помощника адвоката, застраховал его в Чикаго аж на 10 тыс.\$, а через пару месяцев, раздобыв бесхозный труп, предъявил страховой полис к оплате в Филадельфии. Хау подтвердил представителю страховой компании, что умерший работал у него помощником, а Холмс организовал «опознание» трупа. Самым хитроумным в этой истории было то, что Холмс для опознания привлёк еще и ребёнка, якобы 14-летнюю дочь умершего! Присутствие ребёнка сняло все подозрения страховщиков. Дело было сделано безукоризненно чисто; Джепта Хау был очень доволен тем, что ему, по его словам, «фактически не пришлось нарушать закон»: под протоколом опознания он не подписывался, а значит не лжесвидетельствовал, а на работу в свой офис он может принимать кого угодно, тут его ни в чём обвинить нельзя. Хау сказал, что получил от Холмса 2,5 тыс. долларов – это был самый большой в его жизни разовый гонорар.

Марион Хаджспет, понятное дело, захотел получить те самые 500\$, которые Холмс не так давно обещал ему выплатить в случае успеха своего предприятия. Хотя Марион сидел в тюрьме, он сумел сделать так, чтобы в тот же вечер в адрес Генри Холмса ушла телеграмма, в которой последнему предлагалось в течение одной недели либо лично вручить деньги Хаджспету, либо сделать это через адвоката. Хаджспет честно выждал неделю, затем вторую и, убедившись, что денег он не получит, обратился к тюремному начальству.

Из Сент-Луиса в адрес управления полиции Филадельфии немедленно ушла телеграмма, в которой сообщались детали сделанного Хаджспетом заявления и содержалась просьба об их проверке. Дальнейшее представить несложно: полиция Филадельфии проинформировала страховую компанию «Fidelity Mutual Life» о том, что появились сведения о возможном

мошенническом присвоении страховой выплаты. Страховщики со своей стороны попросили провести полноценное расследование обстоятельств смерти Бенджамина Перри. Этим занялся детектив Фрэнк Гейер (Frank Geyer).

Прежде всего, он встретился с доктором коронерской службы, производившим вскрытие трупа Бенджамина Перри, звали его, напомним, Уильям Скотт. Детектива интересовали детали, не попавшие в официальный акт. Анатом сообщил, что его до некоторой степени смущало расположение трупа адвоката Перри, который казался умышленно пододвинутым к окну таким образом, чтобы на него попадал солнечный свет. Если Перри, он же Питезель, действительно почувствовал себя плохо возле стола, то там он и должен был упасть; тело же оказалось несколько в стороне. В общем, в положении трупа чувствовалась какая-то постановка, неестественность, хотя ощущение это было сугубо интуитивным и недоказуемым.

Другой подозрительный момент был связан с расположением на полу осколков стеклянного колпака керосиновой лампы. Скотт подумал, что если бы Перри действительно сбил колпак со стола при падении, то кусочки стекла должны были бы разлететься по большой площади. Они же остались лежать довольно компактно, что до некоторой степени могло показаться странным.

Эти суждения – оценочные и не поддающиеся проверке – мало что давали Гейеру.

Детектив встретился с работником страховой компании Эдвардом Сноу, присутствовавшим при эксгумации трупа Питезеля-Перри и поинтересовался тем, как именно проходило опознание тела? Уверенно ли Элис Питезель узнала отца? Не обошлось ли без подсказок со стороны Холмса? Как девочка вела себя во время этой, скажем прямо, неприятной и эмоционально тяжелой процедуры? Сноу, присутствовавший при эксгумации от начала до конца, уверенно заявил, что не сомневается в точности опознания: Элис Питезель точно и без колебаний назвала особые приметы отца, которые надлежало обнаружить на трупе. Следуя её словам, родинка и шрам действительно были найдены и именно там, где они должны были находиться. Искреннее волнение Элис само по себе красноречиво свидетельствовало о том, что она узнала в мертвом теле отца. Ни малейшей наигранности в поведении девочки не ощущалось.

Продолжая рассказ о событиях того дня, работник страховой компании вспомнил нечто такое, чего детектив не знал. Дело заключалось в том, что после опознания трупа Холмс неожиданно предложил не закапывать его обратно в могилу, а отвезти в крематорий. Он великодушно вызвался оплатить кремацию из собственных денег и его слова вызвали раздражение Сноу. Вся эта ситуация со страховкой, с доверенностью на получение денег, несоответствием фамилий, отсутствием вдовы, приславшей вместо себя дочь, и тому подобные нюансы рождали у Сноу и его коллег по работе в страховой компании массу вопросов, а Холмс в этой обстановке – и без того полной неопределенностей и нестыковок! – предлагает избавиться от тела! Он издевается, что ли?!

Сноу категорически запретил кремировать труп Питезеля и кладбищенские служащие вернули тело в могилу.

Опираясь на изложенную выше информацию, Фрэнк Гейер приступил к расследованию. Из заявления Мариона Хаджспета можно было заключить, что все трое – Холмс, Хау и Питезель – являлись сообщниками, каждый из которых играл в этом деле свою роль. Питезель-Перри вовсе не должен был умереть – вместо него в офис в доме №1316 по Кэллоухил-стрит надлежало подбросить чужой труп. Но как можно было объяснить совпадение родимого пятна и шрама на коленке трупа с описанием таковых, полученным от Элис Питезель? Неужели 14-летняя девочка находилась в сговоре с мошенниками? Может быть, никакого совпадения не было и в помине, а имело место заранее отрепетированная сцена? Ну, а почему нет, мошенники в начале сентября раздобыли труп, загодя показали его Элис и приказали хорошенько запомнить особые приметы... Можно ли предположить, что мошенники соответствующим

щим образом подучили девочку? Неужели она была до такой степени хладнокровна и цинична, что смогла ломать комедию на кладбище возле разрытой могилы?

В середине октября 1894 г. Фрэнк Гейер не мог ответить на эти и им подобные вопросы. Однако способность найти правильные ответы предопределяла в конечном итоге успех всего расследования.

Гейер быстро понял, что ему совершенно необходимо отыскать Элис Питезель и её родителей. Живой адвокат Бенджамин Перри, он же Бенджамин Питезель, станет лучшим доказательством факта страхового мошенничества!

Ещё до своего отъезда из Филадельфии детектив обратился к страховым компаниям Восточного побережья США с письмом, в котором просил проинформировать Департамент полиции Филадельфии о всех случаях страхования «Генри Холмса» в последние годы, либо получении страховых выплат по доверенностям на эти имя и фамилию.

После чего Гейер отправился в Сент-Луис и повидался в тамошней тюрьме с Марионом Хаджспетом. Последний остался очень доволен тем, что сумел поднять бучу вокруг Холмса. Гейер попросил тюремного сидельца припомнить что-нибудь особенное, связанное с Холмсом, что могло бы помочь в его разоблачении. Хаджспет, глубокомысленно потупившись в долу, вспомнил, что как-то раз Холмс-Пратт упомянул о том, что на его арест в штате Техас давным-давно был выписан ордер. Дело в том, что Генри Холмс некогда занимался там торговлей ворованными лошадьми, если точнее – табунов угнанных лошадей. Было это еще в начале 1890-х годов. Сам интеллектуал – а Хаджспет считал Холмса именно «интеллектуалом» – конокрадством не занимался, почитая сей промысел слишком «грязным» и хлопотным [для этого он обращался к услугам целой банды конокрадов], но вот оптовую торговлю ворованными лошадьми чрезвычайно ценил ввиду её прибыльности. Когда весной 1894 г. Холмса в Сент-Луисе засадили на 3 месяца никто об этом не узнал.

Помимо этого Хаджспет сообщил адрес по которому проживал Генри Холмс и по которому он в конце сентября направил телеграмму с требованием выплаты денег: штат Иллинойс, город Чикаго, район Инглвуд, отель «Замок» на пересечении 63-й стрит и Уоллес. Точный адрес – дом №701 по 63-й стрит. Кстати, в Чикаго жили и другие участники мошенничества со страховкой – Бенджамин Питезель и его жена Кэрри Кэннинг.

Перед тем как отправиться в Чикаго, детектив Гейер нанёс визит адвокату Джемте Хау. Сразу можно сказать, что ничего путного детектив из общения с этим человеком не почерпнул. Однако, эта встреча имела далеко идущие последствия, хотя в тот момент Гейер этого не узнал. Хау срочно оповестил Холмса, что им заинтересовалась полиция Филадельфии. По иронии судьбы в те дни, когда в Сент-Луисе находился Гейер, там же проживал и Холмс, они ходили по одним и тем же улицам и жили в соседних гостиницах, хотя, разумеется, ни тот ни другой о последнем обстоятельстве не подозревали.

Итак, Фрэнк Гейер из Сент-Луиса поехал в Чикаго. Там он планировал отыскать Питезеля (либо его семью), а также самого Генри Холмса. Однако, ещё до того, как детектив приступил к активной работе в Чикаго, он получил весьма важную информацию.

Одна из страховых компаний, работавшая в Нью-Йорке, в ответ на письмо с просьбой сообщить о всех подозрительных операциях с клиентом по фамилии «Холмс», прислала полиции Филадельфии настоящий детективный рассказ. Краткое содержание его сводилось к следующему: в 1891 г. в Нью-Йорке на 20 тыс. \$ была застрахована жизнь некоего Генри Холмса, 30-летнего предпринимателя, не страдавшего никакими серьезными заболеваниями. По прошествии буквально двух месяцев поступило сообщение, что этот человек был убит в отеле на полуострове Род-Айленд, если точнее, на пляже рядом с отелем, в котором он проживал. Тело погибшего найдено не было, удалось только обнаружить его обожженную голову, закопанную в песок. Через некоторое время в отеле появился друг Холмса, который принялся разыс-

кивать погибшего. Узнав, что Холмс погиб при загадочных обстоятельствах, друг заявил, что имеет в своем распоряжении страховку на 20 тыс.\$ и предъявил её к оплате.

Прибывшие в отель на Род-Айленд представители страховой компании заявили, что обстоятельства гибели Холмса представляются им в высшей степени неопределенными, да и сама личность погибшего нуждается в юридическом установлении. До тех пор, пока все необходимые процедуры не будут выполнены, а полиция не проведет официального расследования причин смерти Холмса, о выплате страховки не может быть и речи. Друг погибшего стал нервничать, принялся было грозить страховщикам, но потом неожиданно собрал вещи и отбыл в неизвестном направлении. История так ничем и не закончилась: родственников Холмса найти не удалось, найденная в песке голова не была идентифицирована, а страховка осталась не выплачена. Страховщики считали, что их пытались обмануть и для этого мошенники даже пошли на убийство, но полицейское расследование так и не привело к установлению чьей-либо персональной ответственности в произошедшем.

Эта история могла означать то, что мошенник «Холмс» пытался провернуть свою аферу задолго до 1894 г. Тогда он действовал в одиночку, полагая, что сумеет обойтись без поддержки юриста, но номер, как говорится, не прошёл. Затаившись на несколько лет, преступник повторил попытку в Филадельфии, подготовившись на этот раз несравненно лучше.

Конечно, все детали случившегося мог объяснить только сам Генри Холмс, но Гейер не очень-то удивился, когда, обратившись в отель «Замок», узнал, что с господином Холмсом он никак побеседовать не сможет: в отеле тот не проживал уже несколько месяцев.

Сам «Замок» представлял собой монументальное трехэтажное строение под №701 по 63-й стрит. По углам постройки были сделаны выступающие из стен башенки-«фонарики», создававшие иллюзию крепостного сооружения. Эти элементы архитектурного декора и предопределили название постройки. Отель занимал участок 20*65 метров и построен был в 1889—90 гг. На первом этаже находились ресторан, ювелирный магазин, аптека и складские помещения для них. Отделка помещений была роскошна: высокие потолки с лепниной, деревянные панели, зеркала, живые растения – всё это производило впечатление солидности предприятия.

Гейер хотел поселиться в гостинице, но оказалось, что это невозможно: на втором и третьем этажах шёл ремонт и постояльцы временно не принимались. Расспрашивая о Генри Холмсе работников «Замка», детектив с удивлением понял, что никто не мог вспомнить этого человека. Однако заправлявший в «Замке» всеми делами Патрик Квинлан намекнул Гейеру, что тот может оставить для Холмса письмо или записку и это послание непременно попадет в руки адресату.

Со слов Квинлана детектив заключил, что Генри Холмс поддерживает с ним связь, возможно, одностороннюю.

Гейер оставил письмо для Холмса, разумеется, самого невинного содержания, а сам обратился к начальнику местного почтового отделения. Нетрудно догадаться о чём он попросил чиновника; Гейера интересовало, куда же будет переправлено его послание. Возможно, частный детектив подкупил почтальона (доподлинно неизвестно как именно он добился полного взаимопонимания с ним), но факт остается фактом – почтовый служащий взялся помогать детективу из полицейского ведомства другого города.

Следующим шагом Гейера в Чикаго явилась попытка установить место проживания Питезеля и его семьи. Удача сопутствовала детективу и он 10 октября нашел то место, где вплоть до июля квартировала большая семья Бенджамина. Слово «большая» в данном случае не метафора: Бен Питезель и Кэрри Кэннинг имели пятерых детей. Причём среди них действительно была 14-летняя Элис.

Открытие было, конечно, важным, но по-настоящему поразило Гейера другое: соседи опознали Питезеля в... предъявленной им фотографии помощника адвоката Перри. Из чего следовало, что в Филадельфии на опознании был предъявлен труп именно Питезеля! Другими

словами, и Генри Холмс, и Элис Питезель не обманывали страховщиков и полицейских – они действительно опознали тело!

Это, пожалуй, лучшая из известных на сегодня фотографий «Замка» на 63-й стрит в Чикаго. Снимок сделан, скорее всего, в конце 1896 г. Здание на нём кажется невзрачным и совсем непривлекательным. В то время «Замок» уже пустовал, его полностью разграбили, все арендаторы давно съехали, поэтому непрезентабельный вид здания легко объясним. В свои лучшие дни это заведение выглядело намного привлекательнее.

Наверное, только теперь детектив стал понимать дьявольский замысел, успешно воплощенный в афере со страховкой. Три злоумышленника – Хау, Холмс и Питезель собирались обмануть страховую компанию и договаривались между собой насчет того, чтобы подложить в последний момент труп постороннего человека. Питезель пребывал уверен, что всё так и будет сделано: он застраховал свою жизнь, жена оформила доверенность на получение денег... Но остальные подельники вовсе и не думали «заморачиваться» с телом постороннего человека (ведь его ещё надо где-то найти, каким-то образом заманить в Филадельфию, убить там и тело незаметно подбросить в офис – всё это только на бумаге легко устроить!). Подельники убили самого Питезеля, а затем Холмс и 14-летняя Элис опознали тело на кладбище. Осечки задуманная комбинация не допускала, ведь страховка была реальна, страховый случай действительно наступил, фактически и мошенничества никакого не было! А было убийство – хорошо продуманное и подготовленное – да только это надлежало ещё доказать!

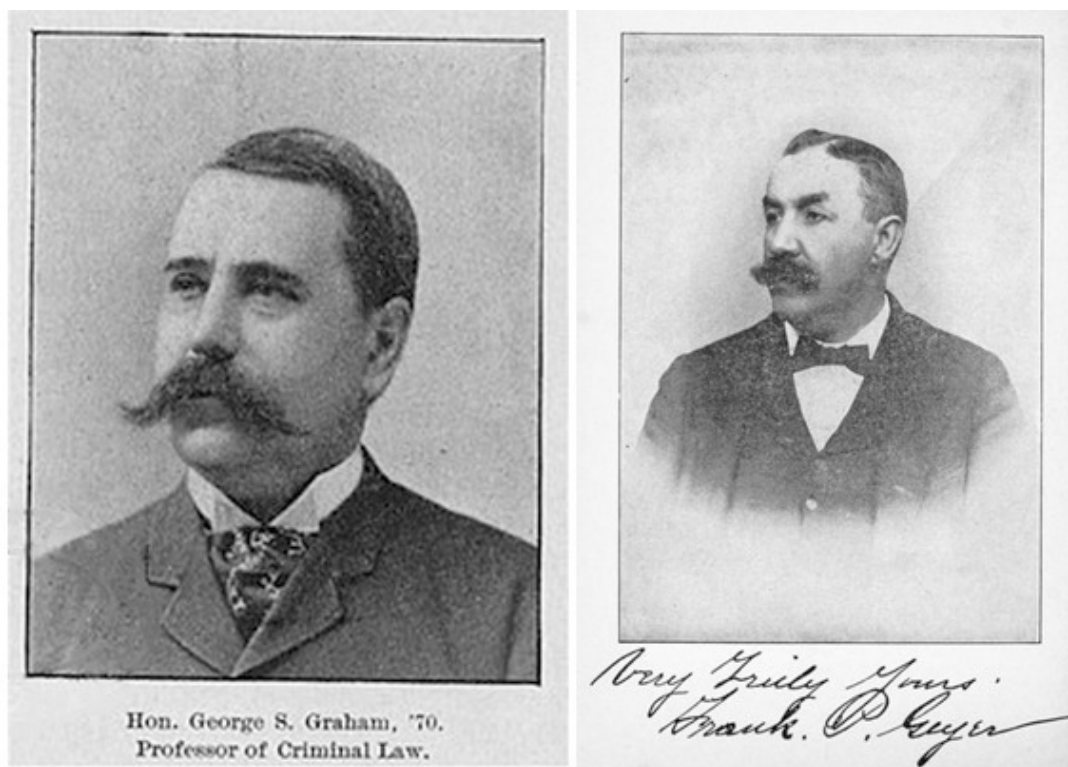
Ободренный открытием, Гейер возвратился в «Замок» и предъявил фотографию Питезеля там. Выстрел был сделан, что называется, наугад, но попал в самую десятку. К немалому своему удивлению детектив узнал, что Бенджамина Питезеля персонал гостиницы и расположенных в здании заведений не просто хорошо знал – он ему одно время напрямую подчинялся. В сентябре 1893 г. хозяин «Замка» Германн Маджет надолго уехал из Чикаго и вместо себя оставил руководить делами Бена Питезеля. Разумеется, подобное доверие означало хорошие личные отношения.

Гейер поинтересовался, может ли он поговорить с Маджетом и узнал, что того не видели в Чикаго с 22 ноября 1893 г. Оказалось, что уже довольно давно Гермманна Маджета преследовали кредиторы, которые никак не хотели войти в положение предпринимателя и повременить с предъявлением векселей. Летом 1893 г. на третьем этаже отеля произошел пожар, благодаря чему появилась надежда получить хорошую страховку (25 тыс.\$ – очень значительная для того времени сумма!) и расплатиться с долгами, но кредиторы не желали чуточку повременить. В результате господин Маджет оставил в конце ноября 1893 г. своё предприятие и отбыл на заработки. За два месяца до того он оставил вместо себя руководить бизнесом господина Питезеля, но тот в июле 1894 г. также уехал в командировку и с той поры всеми делами в «Замке» заправлял Пэт Квинлан. Последний уверял Гейера, что никак не может связаться с Маджетом, но детектив ему не поверил.

Собрав всю эту информацию, Гейер поспешил на почту и предупредил начальника отделения, что теперь его интересует куда будет переправляться корреспонденция, адресованная не только Холмсу, но и Маджету.

Менее чем через двое суток сыщик узнал, где же именно находятся эти люди. Проницательный читатель наверняка уже догадался, что в обоих случаях адрес в г. Сент-Луисе, штат Миссури, оказался одним и тем же. Из чего вполне логично было предположить, что Гермманн Маджет и Генри Холмс – одно и то же лицо.

Фрэнк Гейер немедленно связался со своим руководством и попросил разрешения на подключение к расследованию властей как в Чикаго, так и в Сент-Луисе. Кроме того, имело смысл выяснить, что же за делишки Холмс проворачивал в Техасе? Расследование уже явно вышло за пределы компетенции полиции Филадельфии. Необходимое решение было принято и окружной прокурор Филадельфии Джордж Скотт Грэхем (George Scott Graham) обратился к полицейским ведомствам и прокуратурам нескольких штатов, а также к службе рейнджеров Техаса с просьбой организовать проверку различных эпизодов, связанных с деятельностью Холмса-Маджета на их территории.

Слева: Джордж Скотт Грэхем находился в должности окружного прокурора с 1880 г. и к описываемому моменту времени уже считался опытным и проницательным юристом. Объя-

занности окружного прокурора он исполнял в общей сложности 19 лет и за это время ему довелось провести и успешно закончить целую вереницу сенсационных и запутанных уголовных расследований. Помимо этого Джордж Грэхем на протяжении 11 лет преподавал уголовное право в Университете Пенсильвании. На протяжении последних 19 лет своей жизни – а умер Грэхем в июле 1931 г. в возрасте 80 лет – он являлся конгрессменом в сенате США от Пенсильвании. Справа: Фрэнк Гейер, детектив Департамента полиции Филадельфии. Начал путь в полиции в 1878 г. рядовым служащим в окружной тюрьме, затем был патрульным, делопроизводителем, попал в отряд детективов благодаря редкостному умению располагать к себе людей и проводить допросы в доверительной обстановке. После 27 лет полицейской службы вышел на пенсию и открыл частное сыскное агентство, которое характеризовалось современниками как одно из самых высокопрофессиональных в стране. Умер осенью 1918 г. в возрасте 65 лет от гриппа-«испанки», пандемия которого свирепствовала тогда по обе стороны Атлантики.

Таким образом, с середины октября 1894 г. работа по «делу Холмса» стала проводиться одновременно в нескольких направлениях.

Прежде всего в Техасе был возобновлен старый ордер на арест, выданный в 1891 г. Именно на основании этого документа планировалось арестовать Холмса в случае обнаружения. Помимо этого в Техасе и Арканзасе началось расследование его деятельности по вновь открывшимся фактам – оказалось, что в этих штатах на Холмса в 1893 г. была переведена значительная недвижимость и находившийся в розыске преступник приезжал в Техас для совершения с нею сделок. Результаты этого расследования оказались очень интересны, ниже о них будет сказано подробнее.

В самом Чикаго полиция организовала негласную проверку Маджета и его «Замка». Чтобы раньше времени не вспугнуть скрывавшегося хозяина, полицейские не обращались к персоналу гостиницы, а на первых порах работали с информаторами и документами, находившимися в городской администрации, в банках и страховых компаниях. Внимание детективов сразу же обратили на себя разного рода нестыковки и труднообъяснимые противоречия. Так, например, стало известно, что Маджет до того как построить «Замок» владел аптекой прямо через улицу. В 1886 г. он выкупил ее у 63-летней Холтон, пообещав хозяйке заплатить деньги в несколько приемов, а кроме того, обеспечить пожилую женщину пожизненной рентой. Через четыре месяца с момента совершения купчей Маджет перестал платить Холтон и хозяйка аптеки пригрозила ему судом. После этого женщину никто уже не видел и платежи, судя по банковской отчетности, ей более не переводились. Маджет построил свою гостиницу без утверждения проекта, что являлось нарушением городского законодательства. Кроме того, выяснилось, что как гостиница «Замок» функционировал совсем недолго, буквально полтора года. После пожара летом 1893 г. Маджет закрыл отель, якобы, на ремонт и более уже не открывал. Однако, никакого ремонта в здании не велось; третий этаж здания стоял закрытым.

Страховка от пожара на 25 тыс.\$ действительно существовала, но расследование, проведенное страховой компанией, наводило на мысль об умышленном поджоге. На 3-м этаже здания были обнаружены следы не менее трёх очагов возгорания, что заставило подозревать мошенничество. Страховая компания отказалась выплачивать деньги Маджету, тот в свою очередь пригрозил страховщикам судом, но иска так и не подал. Ситуация с лета 1893 г. оставалась патовой: страхового возмещения владелец здания не получил, в суд не обратился, третий этаж стоял сожженный, ремонт так и не начался, гостиница же оставалась закрытой. Всё это в выглядело крайне необычно!

Полиция Филадельфии, получив из Чикаго фотографию Маджета, предъявила её участникам процедуры опознания тела Питезеля-Перри. Работник страховой компании опознал в Германне Маджете Генри Холмса. Так было получено доказательство того, что это одно и то же лицо. На том основании, что Маджет подписался не своим именем, протокол был при-

знан фальсифицированным и полиция возбудила дело о страховом мошенничестве и преднамеренном убийстве.

Кроме того, полицейские управления штатов Нью-Гэмпшир и Мичиган, где прошла молодость Германа Маджета, приступили к изучению его прошлого. Результат оказался чрезвычайно интересным, но об этом будет сказано чуть ниже.

Германн Маджет, он же Генри Холмс, он же Генри Менсфилд Говард, он Генри Пратт: первый американский серийный убийца, человек феноменальной энергии, патологической лживости и поразительного жестокосердия. Многие обстоятельства его преступного пути не выяснены до сих пор. Хотя в конечном итоге его удалось разоблачить, в силу ряда как объективных, так и субъективных причин этот преступник остаётся одной из самых загадочных фигур криминальной истории человечества.

Между тем детектив Гейер шёл по следу Маджета-Холмса. Имея на руках его фотографию, сыщик отправился в Сент-Луис, по тому адресу, куда пересылалась корреспонденция из «Замка». Однако, сыщик там никого уже не застал.

Оказалось, что подозреваемый отбыл в Детройт, штат Миссури. Гейер направился туда. Однако, и в этот раз детектив опоздал. Маджет-Холмс отбыл из пансиона буквально за несколько часов до его появления. Но в Детройте сыщик получил информацию, заставившую его насторожиться – Маджет-Холмс путешествовал в сопровождении трех детей: девочек Элис и Нелли и мальчика Говарда.

Своих детей, насколько это было известно Гейеру, Маджет-Холмс не имел и в Сент-Луисе он проживал один. Откуда же в его компании появились дети, да тем более трое? Имена детей совпадали с именами детей Питезеля. Означало ли это, что Маджет каким-то образом отделил их от матери? Если это было действительно так, то какова судьба Кэрри Кэннинг и двух других детей Питезеля (напомним, их всего было пятеро)?

Гейер обратился к прокурору Грэму с просьбой принять меры по установлению места проживания родителей Мэри Кэннинг и организации скрытого наблюдения за ним. Детектив исходил из того, что в какой-то момент вдова Питезеля может там появиться. Если бы это произошло, её переписку надлежало бы перехватывать и перлюстрировать, но саму женщину до поры не арестовывать – она должна была привести сыщиков к Холмсу.

После недельных розысков выяснилось, что родители Кэрри проживают в городке Гальва, штат Иллинойс. И к ним действительно совсем недавно приезжала Кэрри Кэннинг с двумя детьми. Однако, к тому моменту, когда в Гальве появились детективы, женщина уже отбыла в неизвестном направлении. Тем не менее, оставалась надежда на то, что ещё не все потеряно – родители сообщили, что дочь обязательно напишет им с нового места жительства. Всю корреспонденцию Кэннингов с этого момента стали скрытно проверять на почте.

Гейер, осматривая дом в Детройте, который на протяжении трёх дней снимал Маджет, сделал открытие, заставившее предполагать наихудшую развязку из всех возможных. В подвале дома детектив обнаружил большую яму, вырытую совсем недавно. Домовладелец утверждал, что он никому не поручал выкапывать эту яму. Стало быть, своим появлением она была обязана Маджету. Гейер заподозрил, что преступник готовил могилу для детей и лишь в силу неких случайных обстоятельств ему не удалось осуществить задуманное убийство.

В течение пары дней Гейер пребывал в бездействии, не зная в каком направлении двигаться, но скоро он получил очередную телеграмму из Чикаго. Коллеги из полиции этого города уведомляли детектива о том, что Маджет-Холмс выходил на связь с Патриком Квинланом, управляющим «Замком», из Торонто, Канада. Маджет требовал от помощника собрать сколько возможно денег и быть готовым передать их по первому требованию. Гейер, не задумываясь, помчался в Торонто. В течение нескольких дней сыщик обходил гостиницы, пансионаты и частные дома, сдававшиеся в наём, и демонстрировал фотографию Маджета-Холмса, в надежде, что кто-то сумеет опознать этого человека. Но не успел Гейер отыскать место, в котором проживал Холмс, как из Чикаго поступила новая информация – очередная телеграмма от Холмса была отправлена Квинлану из Цинцинатти, штат Огайо.

Детектив немедленно отправился туда. Будь Германн Маджет чуточку осмотрительнее и осторожнее, он бы прекратил всякую связь с "Замком", демаскировавшую его перемещения. Но беглец оказался до такой степени самонадеян, что вплоть до момента своего ареста пребывал в твердой уверенности, что до сих пор никто не догадался об идентичности Маджета и Холмса. Он не очень-то таился и в ходе своих перемещений не боялся представляться "Германном Маджетом".

Едва только Гейер приступил к розыкам в Цинцинатти, как поступила информация о том, что беглец переместился в Индианаполис, столицу штата Индиана. Кроме того, оттуда же Кэрри Кэннинг направила письмо родителям, что означало и её пребывание в этом городе. Представлялось не до конца понятным для чего Маджет решил встретиться Кэрри – мужа вернуть ей он не мог, детей, видимо, тоже. Неужели и с Кэрри Кэннинг он решил разделиться также, как с Беном Питезелем?

Гейер поехал в Индианаполис. Там он получил информацию, что Маджета видели в обществе молодой и очень красивой блондинки гораздо младше его возраста. Маджет именновал себя «Генри Праттом», а свою спутницу называл «Джорджиной». Означало ли это, что преступник встретился со своей преданной супругой, той самой, о которой упоминал Марион Хаджспет? Но где, в таком случае Кэрри Кэннинг? Казалось, что розыск сейчас провалится, тем более, что найти в Индианаполисе интересовавших Гейера людей не удалось. Трехнедельная гонка по стране грозила закончиться полным фиаско.

Но неожиданно пришла информация из Гальвы, где проживали родители Кэрри Кэннинг. Наблюдение установило, что дочь прислала телеграмму, сообщавшую о её нынешнем местонахождении. Кэрри проживала в городке Берлингтон, в штате Вермонт, в настоящем медвежьем

углу Америки! Это выглядело очень подозрительно, поскольку не существовало ни одной причины, по которой Кэрри должна была находиться там.

Опасаясь, что в Берлингтоне последует расправа над вдовой Питезеля, Гейер обратился к руководству с просьбой в кратчайшие сроки организовать охрану Кэннинг. Впрочем, это было проделано и без его просьбы: всем была понятна серьезность момента. Удача наконец улыбнулась сыщикам – Кэрри обнаружили спокойно проживавшей по указанному в телеграмме адресу. Детей с нею не было, они находились в Гальве, у бабушки с дедушкой. Гейер помчался в Берлингтон, чтобы лично допросить Кэннинг, но дорога туда заняла более суток. Едва только детектив появился в городке, как коллеги огорошили его самой последней новостью – Маджет прислал письмо Кэрри, которое благополучно было перехвачено на почте. В письме Германн просил перенести бутылку с «ценным веществом» из подвала на чердак и лучше там запрятать. Очевидно, он предполагал появиться в Берлингтоне и забрать бутылку.

Гейер немедленно приступил к допросу женщины, которую розыскивал более месяца.

Вдова Питезеля была на грани нервного срыва. Она твердила, что запуталась и ничего не понимает в происходящем, дескать, Маджет обещал вернуть ей трёх старших детей, которых увёз ранее, но до сих пор этого не сделал. Гейера, разумеется, в первую очередь интересовал сам Маджет. Кэрри рассказала, что в Берлингтон её привёз Германн и в течение двух дней жил с нею в снятом доме, но затем бросил всё и уехал. Причиной отъезда стало то, что Кэрри застала его за... выкапыванием ямы на заднем дворе. Гейер, посмотрев на яму в рост человека, спросил у Кэрри Кэннинг: «Надеюсь, вы догадываетесь, для кого он копал могилу?» Вдова Питезеля, казалось, понимала, что друг покойного мужа готовил ей смерть, только боялась признаться самой себе в этом.

Гейер попросил женщину рассказать как была устроена афера со страховкой. По словам Кэрри Кэннинг, осенью 1893 г. Бенджамин рассказал ей о том, что Германн Маджет предложил ему застраховаться на большую сумму денег, а потом скрыться. Маджет обещал отыскать похожий на Бенджамина труп, который и намеревался выдать за Питезеля. По словам Кэрри, Маджет взял с Бенджамина слово, что тот не расскажет ей о предстоящем мошенничестве, но беспокойство взяло верх и муж данное слово не сдержал. Кэрри была против аферы, но переубедить Бенджамина не смогла. В июле 1894 г. перед своим отъездом в Филадельфию Бенджамин доверительно сказал одной из младших дочерей Дэззи, что скоро, возможно, она кое-что узнает о нём из газет, но ничему прочитанному не надо будет верить: «Знай, со мной будет всё хорошо и если меня не будет рядом какое-то время, то лишь потому, что так будет надо». Когда Кэрри узнала из газет о смерти Перри-Питезеля с ней приключилась истерика, но дочь её успокоила, повторив слова отца.

В последней декаде сентября 1894 г. Маджет убедил Кэрри Кэннинг отпустить с ним дочерей Элис и Нелли и сына Говарда. Маджет сказал, что они понадобятся для участия в процедуре идентификации трупа. Но на самом деле, как известно, в опознании участвовала только Элис. С того времени судьба детей оставалась неизвестна, мать более их не видела. С конца сентября она неоднократно встречалась с Маджетом и тот всякий раз по-новому объяснял почему с детьми невозможно повидаться. В последний раз он заявил Кэрри, что дети скоро приедут в Берлингтон вместе с Бенджамином Питезелем.

Разумеется, Фрэнк Гейер поинтересовался о какой бутылке «с ценным содержимым» побеспокоился в своем письме Германн Маджет? Кэрри отдала полицейским большую бутылку, заполненную тяжелой вязкой прозрачной жидкостью, спрятанную в подвале. Химический анализ показал, что в бутылке хранился нитроглицерин, мощная взрывчатка, обладавшая низкой детонационной стойкостью. Даже простое падение бутылки на пол могло вызвать взрыв, способный полностью разрушить дом, в котором проживала Кэрри Кэннинг. Возможно, именно

в расчёте на неосторожность женщины Маджет-Холмс и дал ей поручение перенести бутылку, которая в её руках превращалась в потенциальную бомбу без предохранителя.

Зная, что письмо Маджета с просьбой перепрятать бутылку с нитроглицерином было направлено из Бостона, Гейер в сопровождении группы детективов выехал в этот портовый город. Точный адрес, по которому проживал Маджет, был неизвестен, его предстояло установить. Местная полиция приняла в розысках самое активное участие. Руководил операцией помощник суперинтенданта полиции Бостона Оуэн Хэнсом (Owen Hanscom). Удача сопутствовала детективам – 17 ноября 1894 г. Германн Маджет был арестован на пороге гостинцы и в его вещах был обнаружен билет на пароход, направлявшийся в Европу. Буквально через три дня преступник покинул бы американский континент, избежав тем самым правосудия.

Помощник суперинтенданта Хэнсом при аресте Маджета предъявил ему техасский ордер, выданный ранее и возобновленный в ноябре 1894 г. Маджет с видимым облегчением согласился на экстрадицию в Техас, не выдвинув никаких встречных условий или пожеланий. Подобная уступчивость выглядела в высшей степени подозрительно. Впрочем, как и болтливость арестанта. Обычно арестованные поначалу воздерживались от каких-либо заявлений, рассчитывая послушать, что им предъявит полиция, но в данном случае словоизвержение Маджета не прерывалось ни на минуту и арестант был готов, судя по всему, разговаривать на любые темы.

Дальше стало только интереснее. После того, как Хэнсом заявил Маджету, что тот отправится не в Техас, а в Филадельфию, арестант явно забеспокоился и принялся расспрашивать, что приключилось в Филадельфии и почему его передают именно туда? Когда же арестованный услышал фамилию Питезель и упоминание о подозрениях в убийстве, то сразу пустился в многословные воспоминания и пояснения. Это выглядело крайне удивительно, поскольку помощник суперинтенданта вообще не имел намерения обсуждать с Маджетом-Холмсом детали расследования, о котором практически ничего не знал.

Тем не менее, полицейский не стал перебивать собеседника и внимательно его выслушал. Вкрадчиво заглядывая в глаза Хэнсому и понижая голос для придания ему убедительности, Маджет сообщил помощнику суперинтенданта, что Питезель жив и здоров и он – Маджет – лично встречался с товарищем после того, как его труп якобы похоронили на кладбище «Мик-эникс». Встреча произошла в городе Цинцинатти, штат Огайо, при встрече присутствовали две дочери Питезеля и сын Говард. По словам Маджета, после первой встречи имела место вторая, тем же вечером, на неё Питезель явился вместе с сыном, сообщив, что уложил девочек спать в отеле.

Продолжая своё повествование, Маджет добавил, что имела место афера со страховкой и Питезель являлся активным и притом добровольным её участником. Бенджамин должен был застраховать свою жизнь, а потом исчезнуть, вместо него был использован труп бродяги, полученный Маджетом из Нью-Йорка от друга-анатома. Арестованный уверял, что докажет свои слова, назовёт врача, предоставившего ничейный труп, и предъявит накладную на перевозку гроба по железной дороге из Нью-Йорка в Филадельфию, дескать, все документы у него сохранены и он всем всё объяснит! Что же касается Бена Питезеля, то беспокоиться о его судьбе не надо – в настоящее время он находится в Южной Америке вместе с сыном и двумя дочерьями. Маджет, по его собственным словам, остался в Соединенных Штатах, чтобы закончить денежные дела, ну и поскольку они уже успешно закончены, то он решил купить билет на пароход в Европу.

Подумав ещё немного, арестант добавил, что из денег, полученных по доверенности по договору страхования жизни Питезеля, он переправил 1 тыс.\$ жене последнего.

Около полудня 23 ноября 1894 г. Германн Маджет был доставлен в Филадельфию. Выйдя из поезда, он попал в руки встречавших его полицейских в штатском, рядом с ними находился адвокат Гарри Хоукинс (Harry Hawkins), которого Маджет нанял накануне по телеграфу. После

того, как адвокат представился, Маджет воскликнул: «Как я рад вас видеть! Не верьте ни единому слову, якобы сказанному мною в Бостоне!»

Эта фраза поразила всех, слышавших Маджета. В Филадельфии ещё никто не знал о сути признаний, сделанных Маджетом помощнику суперинтенданта Хэнсому, но то, что арестованный с лёгкостью отперся ото всего, сказанного прежде, наводило на очень неприятные размышления.

Впоследствии Маджет-Холмс будет проделывать этот фокус, быстро ставший тривиальным, неоднократно.

На первом этапе расследования большую ценность представила информация о прошлом Германна Маджета. Сразу надо оговориться, что хотя для установления подлинных обстоятельств его жизни были приложены большие усилия, очень многое из прошлого этого человека так и осталось не проясненным. Сам же Маджет сделал всё возможное для того, чтобы максимально скрыть любые детали, способные пролить свет как на свои действия, так и саму личность. Здесь необходимо отметить уникальную лживость этого человека. Мифотворчество вообще характерно для преступников, но то, как лгал Маджет, какие масштабы принимало его враньё, заставляет говорить о прямо-таки феноменальной, патологической и иррациональной лживости. Враньё этого человека зачастую не влекло за собой даже мизерной выгоды, не имело обоснованной логики и, очевидно, являлось самоцелью. Если Маджет и говорил правду, то только для того, чтобы достовернее сделать последующую ложь. В дальнейшем мы увидим, что он дошёл даже до того, что объявил убитыми тех людей, которые на самом деле были живы.

Эта необычная черта поведения Маджета долгое время оставалась непонятой должным образом современниками, что чрезвычайно затруднило реконструкцию его жизни. Фантастическая лживость преступника проявилась задолго до ареста, так что многие знакомые и друзья Маджета на самом деле практически ничего не знали о нём. Именно поэтому попытка восстановить обстоятельства недолгой, но очень бурной, жизни этого человека заставляет констатировать: датировки разными источниками одних и тех же событий рознятся порой на 3-4 года, а многие события из прошлого Маджета вообще невозможно привязать к сколько-нибудь определенной дате.

Родился Германн Маджет 16 мая 1861 г. в семье Леви Маджета (Levi H. Mudgett), начальника почтового отделения в г. Гилмантон, штат Нью-Гэмпшир. Уже в детстве и юности Германн обратил на себя внимание отличной памятью и сообразительностью. Он был лучший ученик школы. Вместе с тем, люди, знавшие его с детства, отмечали жестокость маленького Германна к животным и младшим по возрасту детям. Его половое чувство рано заявило о себе и после окончания школы 18-летний Маджет сбежал из дома с 17-летней дочкой зажиточного фермера Кларой Ловеринг (Clara Lovering) из соседнего городка Лаудон. Поступок был, конечно же, рискованным, совратитель мог получить от разгневанного папаши пулю, но Германн живо отвёл подружку в церковь, где молодые бракосочетались. После такого поворота никто в Германна стрелять, разумеется, не стал. Очень скоро жена забеременела и богатому фермеру пришлось оплатить учёбу Маджета в медицинской школе в Берлингтоне, штат Вермонт. 3 февраля 1880 г. Клара родила сына, которому дали имя Роберт.

Отучившись год, Германн перевёлся в медицинскую школу при Университете в городе Энн-Арбор, штат Мичиган, которую успешно и закончил, получив звание врача.

В 1881 г. В Энн-Арборе молодой Маджет вместе со своим дружкой провели первую успешную аферу. Об этом рассказал 10 августа 1895 г. секретарь коммерческой палаты Чикаго Кристофер Уиллард (C. D. Willard), обучавшийся в то время в том же самом университете.

По его словам, афера выглядела следующим образом. Друг Германна, проживавший с ним в одной комнате в студенческом общежитии – фамилия этого человека никогда не была оглашена – застраховал свою жизнь на 10 тыс.\$ и через три месяца скрылся. Перед этим он вместе с Маджетом похитил труп молодого человека из университетского морга. Общим сло-

жением и цветом волос труп весьма напоминал соседа Маджета, застраховавшего жизнь. Чтобы затруднить опознание, мошенники ввели в вены трупа какую-то кислоту, придавшую кожным покровам тёмный цвет. После этого они облачили тело в одежду соседа, который уехал из Энн-Арбора. Далее Маджет разыграл незатейливую сцену «обнаружения» покойника на диване. Чтобы объяснить причину смерти, Маджет заявил, будто «умерший друг» за несколько дней до смерти грыз арахис и сильно повредил десну. Это привело к заражению крови, которую тогда называли «антонов огонь» и... бедный студент умер.

Страховщики без особых проволочек выплатили деньги и по словам Уилларда этот невероятный успех поразил самого Маджета, который явно не ожидал того, что всё получится столь легко и быстро. Маджет не делал тайны из аферы и многим рассказывал об этой проделке, видимо, тогда он ещё не имел жизненного опыта и не приобрёл той осторожности, что станет характерна для него в последующие годы.

Клара Ловеринг – первая жена Германа Маджета, мать его сына. Маджет быстро бросил первую жену и мы вряд ли ошибёмся, если скажем, что это обстоятельство спасло Кларе жизнь. Женщины, с которым Маджет поддерживал интимные отношения, долго не жили, можно сказать, что Клара Ловеринг – счастливое исключение из этого правила. Женщина прожила долгую жизнь и умерла в 1956 г. в возрасте 95 лет.

После окончания медицинской школы [так обычно именовались медицинские факультеты университетов] в Энн-Арбор Маджет приступил к работе по специальности в местечке Мурс Форк (Moore's Fork) в Иллинойсе. Он быстро стал популярен, докторская практика приносила стабильный доход. Жена переехала к нему, но вскоре в глазах Германа потеряла всякий интерес. Он отправил её к родителям, мотивируя это тем, что так будет лучше для ребёнка.

В скором времени у Маджета появилась любовница, с которой была связана история, сильно ранившая Германа. Дамочка, судя по всему, оказалась во всём под стать ему самому, убедившись, что Маджет куда беднее, чем рассказывал ей, она его обворовала. То есть забрала все деньги, какие нашла в доме, и убежала. То, как его обманули, произвело на Маджета сильное впечатление, возможно даже, поколебало привычную картину мира. До этого он считал себя умнее и находчивее окружающих, но неожиданно для себя понял, что встречаются люди, способные поступить с ним так же, как он поступал с окружающими.

История с убежавшей любовницей вызвала некий переворот в мировоззрении Маджета. Он решил отказаться от медицинской карьеры и искать успеха на ином поприще. Герман съездил к первой жене, сообщил, что отправляется на Запад, в Калифорнию или Орегон и вызовет

её когда устроится на новом месте. На самом же деле, он направился на юг страны, где и обосновался. Поездка к жене явилась своего рода символическим разрывом с прошлым, Германн явно рассчитывал успокоить жену, дабы та не стала его разыскивать, и тем самым развязать себе руки для будущих авантюр.

Сразу скажем, что более со своей первой женой Маджет никогда не встречался и судьбой сына не интересовался. Между тем, последующие годы оказались для Клары довольно тяжёлыми, ей пришлось оставить родительский дом и зарабатывать на жизнь белошвейкой. От такой работы разбогатеешь не сильно...

Итак, Германн уехал на юг. О его перемещениях той поры известно немного. Видимо, к этому времени относится установление Маджетом прочных связей с профессиональными преступниками в южных штатах Техасе и Арканзасе. Во время этой поездки Маджет сделался участником большой банды, занимавшейся кражами лошадей, и хорошо заработал на этом деле. Впрочем, ковбойские приключения не очень-то прельщали доктора по образованию и мошенника по призванию, так что через полгода или около того Германн надумал возвратиться в Чикаго.

В начале 1886 г. Германн Маджет появился в этом величественном городе на берегу озера Мичиган. Чикаго тех лет – один из крупнейших городов Соединенных Штатов, индустриальный и финансовый центр, а заодно и криминальная столица страны. По уровню преступности Чикаго почти в 2 раза превосходил Нью-Йорк, второй по уровню криминальной активности город Соединенных Штатов.

В Чикаго Маджет почувствовал себя, как рыба в воде, связав с этим городом свое будущее. Идеи быстрого обогащения разной степени криминальности здесь буквально витали в воздухе. В конце 1880-х гг. Маджет впервые использовал фамилию Холмс, причём выбор оказался далеко неслучаен. В ту пору рассказы о Шерлоке Холмсе были чрезвычайно популярны как в Великобритании, так и в Соединенных Штатах. Маджет был хорошо эрудирован, следил за литературными и театральными новинками и восхищался Конан Дойлом. Мошенник не без умысла взял фамилию понравившегося ему персонажа, тем самым как бы отождествив исключительный интеллект сыщика с собственным. Выходка эта вполне в духе социопатов, склонных подчёркивать интеллектуальное превосходство над окружающими и тем тешить присущий им нарциссизм.

Под фамилией Холмс мошенник открыл офис в Уилмете, районе, расположенном на севере Чикаго.

В феврале 1886 г. разбогатевший Маджет купил большой пакет акций первой в мире фабрики по производству копировальных машин – «ABC Copier» – что в дальнейшем обеспечивало его очень хорошим постоянным доходом. Заодно Маджет прикупил и копировальную машину. Он снял офис на Дирборн-стрит и взял большой кредит в банке. Для возврата кредита Германн напечатал 20 тыс. черно-белых долларов, которые искусно раскрасил от руки и вернул займодавцу. Когда подделка обнаружилась, детективы помчались в офис Холмса. Там они преступника не нашли, зато им в руки попали как сама копировальная машина, так и стопа поддельных банкнот на номинальную сумму почти 9 тыс. долларов. В офисе оставили засаду, но мошенник туда никогда больше не возвращался.

В мае 1886 г. Германн устроился работать в аптеку Холтон в чикагском районе Энглвуд (Englewood), на пересечении 63-й и Уоллес-стрит. Муж хозяйки умирал от рака простаты и она нуждалась в помощнике. Маджет дождался, пока хозяйка похоронит мужа, после чего предложил ей в рассрочку выкупить бизнес. Холтон согласилась. Маджет платил четыре месяца, затем прекратил. Холтон попыталась было пригрозить ему, но бесследно исчезла.

Германн Маджет продолжал ковать деньги. Он сделался пайщиком компании по изготовлению глицеринового мыла и получал на этом неплохие дивиденды. Вообще, он тонко чувствовал конъюктуру и как предприниматель показал себя с лучшей стороны. Продав аптеку

Холтон, он купил участок земли на другой стороне улицы и приступил к возведению там гостиницы, которую тенденциозно назвал «Замок».

Молодой, энергичный и обаятельный бизнесмен привлек внимание Мирты Белкнап (Myrta Belknap), дочери одного из богатейших торговцев недвижимостью в Уилмете. Холмс быстро сделал предложение «перспективной» невесте и получил согласие на брак. 1 января 1887 г. брак был официально зарегистрирован. Так мошенник сделался двоежёнцем. Белкнапы, разумеется, ничего не знали о первой семье своего нового родственника.

Тогда Маджет, по-видимому, решил на убийство. Дважды он подсыпал своему тестю в сахарницу мышьяк. Этот классический приём средневековых отравителей оба раза не сработал: нестерпимая горечь сахара выдавала присутствие яда. Отравителю следовало бы действовать постепенно, добавляя мышьяк маленькими порциями, но стремление поскорее завладеть наследством тестя лишило Германна всякого благоразумия. Родственники жертвы без особых затруднений вычислили источник проблем. Сделать это было не очень-то и сложно, поскольку до появления в доме Холмса горького сахара никогда не бывало. После второй попытки отравления Мирта заявила своему благоверному, что отправит его за решетку; Холмс в одночасье собрал пожитки и покинул негостеприимный дом.

Если бы Белкнапы не промолчали тогда и заявили о покушении на убийство в полицию, возможно, многие люди остались бы живы. Но Белкнапы решили не поднимать шум, возможно из-за того, что Мирта была на сносях и родить ребёнка от преступника значило погубить репутацию молодой мамы на всю оставшуюся жизнь. В общем, никто полиции ничего не сообщил и Холмс продолжил куролесить, словно бы ничего и не произошло. Чтобы более не возвращаться к семье Белкнап, сообщим, что Мирта в 1889 г. родила от Холмса дочь, получившую имя Теодата (Theodate).

Решение заняться гостиничным бизнесом созрело в голове Маджета, видимо, неслучайно. В конце 80-х годов 19-го столетия Чикаго готовился принять Всемирную выставку, посвященную 400-й годовщине открытия Америки Колумбом. Устроители обещали продемонстрировать феерические шоу и всевозможные чудеса науки и искусства, что должно было привлечь в Чикаго массу туристов. Владельцы чикагских гостиниц не без оснований ожидали, что на их головы прольётся золотой дождь.

Современная фотография того места, где находился «Замок» Маджета-Холмса. Городской ландшафт за прошедшие 130 лет изменился неузнаваемо: непрерывные прежде улицы оказались разделены промзонами и парками, разбивка на кварталы радикально поменялась, нумерация домов совершенно не соответствует той, что была в конце XIX столетия. Но кое-какие ориентиры остались на своих местах, например железнодорожный мост, который можно видеть на заднем плане как на этой фотографии, так и на фотографии «Замка», представленной в этом очерке выше.

Поэтому в то самое время, пока известный архитектор Дэниел Бархэм на площади в 630 акров возводил 200 выставочных павильонов, безвестный врач и покуда неизвестный преступник Германн Маджет продвигал гораздо более скромный бизнес-проект – трёхэтажную гостиницу с подвалом на перекрестке 63-й стрит и Уоллес. Здание выглядело довольно внушительно – 20*65 метров. Первоначальный проект Маджет неоднократно изменял. Кроме того, он непрерывно скандалил с подрядчиками, выполнявшими строительные работы. За полтора года на стройке сменилось более 500 рабочих, фактически Маджет трижды обновил занятый на объекте персонал. Всякий раз рассчитывая увольняемых, Маджет бессовестно их обсчитывал. Помимо экономии средств такой принцип организации работ имел и другое существенное для Германна достоинство – никто из строителей толком не знал, что же именно было построено. Изменения в проект вносились на глазок и должным образом не документировались, поэтому когда полиция явилась с обыском в «Замок» она увидела там совсем не то, что рассчитывала.

При постройке здания Маджет заказал большой сейф из тех, что используются в банковских хранилищах. Фактически это была бронированная комната, установленная на втором этаже. Маджет получил сейф в кредит, который своевременно не погасил. Когда представители компании-поставщика явились на стройку, чтобы забрать сейф, выяснилось, что тот уже обложен стенами и поверх него началось возведение помещений третьего этажа. Маджет заявил, что продавец может забрать сейф, но "если при этом из кладки моего здания будет вынут хотя бы один кирпич, я через суд добьюсь, чтобы вы построили мне новый дом!" Продавец сейфа так и не рискнул забрать его, а Маджет так и не оплатил эту покупку полностью.

Полицейская проверка позволила установить, что первыми управляющими еще недостроенного «Замка» явилась чета Коннеров. Нед и Джулия Коннеры вместе с 8-летней дочкой Перл приехали в Чикаго из Девенпорта, штат Айова, в 1890 г. Поначалу они помогали Германну Маджету в решении разного рода хозяйственных проблем, постоянно возникавших при строительстве дома. Довольно быстро их статус вырос – высокая, статная (180 см.!) Джулия сделалась любовницей Германна и заодно приняла на себя ведение бухгалтерии, а Нед стал клерком в аптеке и ювелирном магазине, фактически приняв на себя повседневное управление этими заведениями. В какой-то момент семейной идиллии пришёл конец – друзья открыли Неду глаза на причину его карьерного роста и муж потребовал от жены немедленного прекращения отношений с Маджетом. Джулия Коннер сделала свой выбор и осталась с Германном, а Нед – свой. Оскорбленный муж собрал вещи и покинул Чикаго. В 1894 г., когда началась «раскрутка» правоохранительными органами истории с Питезелем, он уже жил с другой женщиной и ничего не знал о судьбе Джулии и Перл.

Оказалось, что Джулия Коннер проживала вместе с Маджетом до начала 1892 г. По квитанциям оплаты счетов удалось установить, что Джулия последний раз подписывалась под бухгалтерскими документами 24 декабря 1891 г. О её дальнейшей судьбе долгое время ничего не удавалось узнать. Нед Коннер посоветовал полицейским связаться с младшей сестрой Джулии – Гертти Смит, проживавшей в г. Мускатин. Однако, отыскать Гертти не удалось; оказалось, что в 1891 г. девушка отправилась в Чикаго к старшей сестре. Там следы её терялись.

В декабре 1891 г. Маджет привёз из Техаса, куда ездил на несколько месяцев, некую Минни Уильямс, экспансивную, энергичную особу, которая как никто стала близка Германну. Формально Минни считалась секретарём Холмса – она печатала на машинке и вела деловую переписку, получала письма, оплачивала счета и пр. Несмотря на то, что работа Минни казалась простой и даже непритязательной, девушка была необычна. Дело заключалось в том, что она и её сестра Энни должны были наследовать имущество стоимостью более 50 тыс.\$ – это были огромные деньги по меркам того времени! По-видимому, Маджет-Холмс в какой-то момент узнал о деньгах и это решило судьбу как его любовницы, так и её сестры.

Однако, что же именно случилось с ними долгое время оставалось неясным: в июле 1893 г. младшая сестра Минни – Энни Уильямс – нотариально оформила передачу прав собственности на свою долю большого ранчо в Техасе. Согласно документу, имущество переходило в распоряжение старшей сестры. Несколько позже – в начале декабря 1893 г. – аналогичную операцию проделала сама Минни. Свои права на техасскую недвижимость она передала Генри Холмсу. В последнем случае документ заверил нотариус в Денвере (напомним, что к тому времени Маджет уже бежал из Чикаго, где его разыскивала целая толпа разъяренных кредиторов). Германн немедленно помчался в Техас, где быстро и с большим дисконтом продал ранчо, стоимостью 50 тыс.\$, буквально свалившееся ему на голову.

В ноябре 1893 г. Германн Маджет женился на молодой блондинке Джоржине Йоук из г. Ричмонд, штат Индиана. Т. о. мошенник сделался троеженцем, ибо ни с одной из предыдущих жен он не оформил развод. Примечательно, что в брак он вступил под фамилией «Пратт» и жена не знала настоящую фамилию мужа.

Таковы были в общих чертах основные события жизни Германны Маджета.

Итак, 23 ноября Маджет-Холмс был доставлен в Филадельфию и помещён в местную тюрьму «Мойяменсинг» («Moyamensing»).

Сестры Минни и Энни Уильямс странным образом исчезли без вести, после чего выяснилось, что они передали права на принадлежавшее им имущество Маджету-Холмсу, который живо продал дом и землю и исчез в неизвестном направлении.

Туда же в тот же день была помещена и Кэрри Кэннинг, которая официально именовалась «миссис Питезель». Статус этой женщины не до конца был понятен, поскольку она признала свою осведомленность об афере со страховкой и на этом основании некоторое время рассматривалась как возможная подозреваемая. Сразу скажем, что в последующем прокуратура отказалась от выдвижения обвинений против неё, предполагая использовать женщину в качестве важного свидетеля на судебном процессе против Маджета, но в тюрьме Кэрри посидеть всё же пришлось.

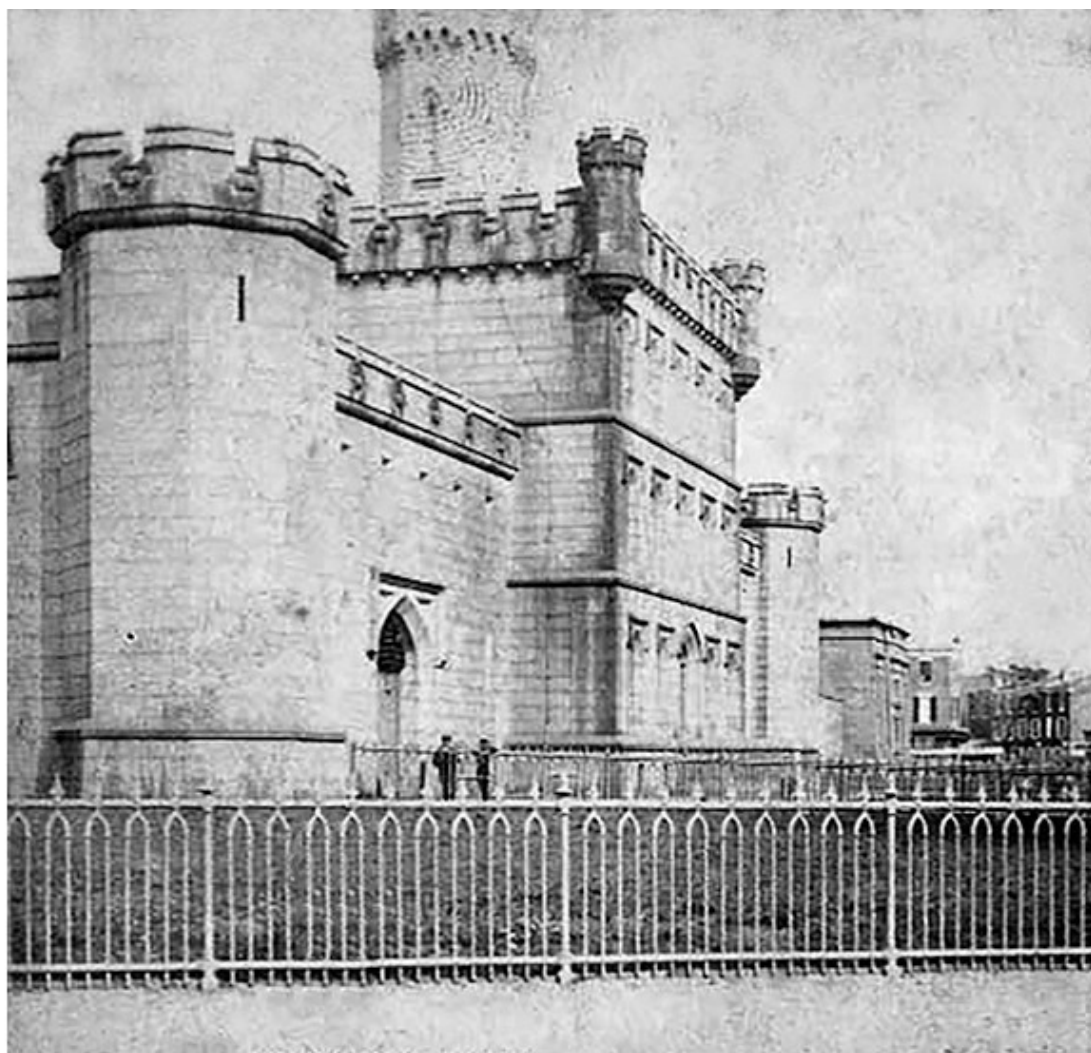
Разумеется, после водворения Маджета в тюрьму, начались его допросы, первый был проведен уже 23 ноября. Холмс легко и непринужденно признался в страховом мошенничестве и сообщил, что адвокат Джепта Хау был активным его соучастником. По словам арестанта, адвокат получил 2,5 тыс.\$ в качестве гонорара и ещё 400\$ в порядке компенсации расходов, связанных с проездом и проживанием в Филадельфии. Также Холмс настаивал на том, что передал Кэрри Кэннинг 1 тыс.\$ наличными и ещё 500\$ положил на её имя депозитом в банк. Из оставшейся суммы он 1 тыс.\$ перевёл своей жене Джорджине Йоук, а также некоторую сумму отправил своему биржевому брокеру в Чикаго. Он назвал фамилию брокера и адрес его проживания, но размер переведенной суммы постоянно изменял, ссылаясь якобы на плохую память.

Вообще же, Холмс систематически видоизменял показания, без малейшего трепета отказываясь от собственных клятв и обещаний данных буквально накануне. Этим он чрезвычайно выводил из себя окружного прокурора Джорджа Грэхэма, который в конечном итоге просто-напросто отказался проводить допросы лично, перепоручив общение с обвиняемым помощникам.

На следующий день 24 ноября стало известно об аресте Джепта Хау в Сент-Луисе. Также прокуратура сообщила, что готовится провести эксгумацию трупа Питезеля для того, чтобы Кэри Кэннинг подтвердила факт смерти мужа.

Маджет-Холмс, узнав об этом, подумал немного да и изменил свои показания. Теперь его рассказ сводился к тому, что бедолага Питезель, активно участвовавший поначалу в афере, в какой-то момент раскис, заявил якобы Маджету, что устал от вечного безденежья и намерен свести счёты с жизнью.

Тюрьма «Мойяменсинг» представляла собой довольно мрачное сооружение, возведенное из синего сиенита. Хотя постройка напоминала классический английский замок, она с самого начала задумывалась как тюрьма. В этой юдоли скорби были устроены 408 одинаковых камер, каждая из которых имела длину 3,95 м., ширину 2,7 м. и высоту 2,7 м. Своим необычным названием тюрьма обязана поселению, на территории которого она была возведена в 1832—1835 гг. С течением времени первоначальная окружная тюрьма расширялась, появилась пристройка для должников и женская тюрьма. Тюремный комплекс был снесён в 1968 г.

В общем, Питезель покончил с собою и оставил записку, в которой делал соответствующее признание.

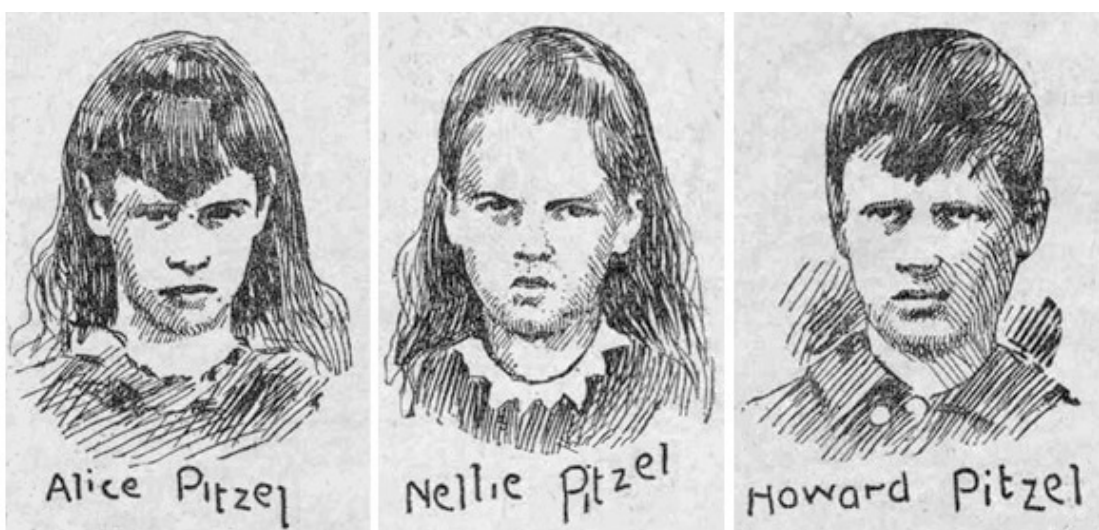
Маджет по его словам довёл задуманную аферу до конца, при этом ему пришлось скрыть от всех факт суицида, поскольку родственникам самоубийцы страховая выплата не была положена по условиям договора. В дальнейшем перед ним встал вопрос о том, как скрыть от миссис Питезель смерть мужа? Маджет-Холмс уверял, что передал всех трёх детей – Элис, Нелли и Говарда – своему секретарю Минни Уильямс, которая выехала с ними в Лондон. Пароход по словам Холмса отправлялся из Нью-Йорка, обвиняемый настаивал на том, что Минни с детьми благополучно прибыла в столицу Великобритании и ждёт от него условного сигнала, чтобы выйти на связь.

Эко завернул, чертяка! В подобное нагромождение событий не поверил даже адвоката Маджета, но по требованию последнего он разместил в английских газетах зашифрованное объявление, которое должна была прочитать Минни Уильямс. Маджет настаивал на том, что

после прочтения она обязательно свяжется с ним и ситуация мигом разъяснится. В декабре 1894 г. и в январе 1895 г. объявление регулярно печаталось, но никто так и не прислал из Лондона долгожданную телеграмму.

Что, в общем-то, и не должно особенно удивлять.

После 2-месячной паузы, когда стало ясно, что никакой телеграммы не будет, Маджет заявил, что Минни Уилльямс, по-видимому, предала его. По словам обвиняемого, ещё в Соединенных Штатах она изменила ему, что и привело к последующему разрыву. В Великобритании, наверное, Минни нашла нового ухажёра, либо как вариант, вызвала к себе из Соединенных Штатов прежнего, во всяком случае она напрочь позабыла о своём долге перед детьми Питезеля и перед ним – Германном Маджетом. История звучала пафосно, сентиментально и... совершенно недостоверно!

Газеты в конце 1894 г. живо обсуждали судьбы 3-х из 5 детей Питезеля – 14-летней Элис, Нелли, 10 лет и 8-летнего Говарда. То, что их нигде не удавалось обнаружить, рождало самые мрачные предположения о судьбе детей, в частности, высказывались гипотезы об их вывозе за пределы страны, либо тайном усыновлении, но предположение о возможном убийстве детей разрушало все представления тех лет о вероломстве и жестокости.

После этого умозаключения Маджет с улыбкой на губах добавил, что Минни, вообще-то, не очень хороший человек, ведь это именно она убила сестру Энни перед своим бегством. А убила она её потому, что ревновала к своему новому избраннику.

Эти рассказы звучали абсолютно завирально и сам же Маджет, кажется, вовсе не хотел чтобы ему поверили; он наслаждался игрой с работниками прокуратуры в «кошки-мышки» и словно бы спрашивал: «Ну-с, и как вы опровергните меня теперь?»

После ареста Маджета все торговые заведения в «Замке» были закрыты, а обслуживающий персонал – распущен. Тогда же стало ясно, что в ювелирном магазине Маджета вовсю велась торговля поддельными украшениями, а многие препараты из принадлежавшей ему аптеки отнюдь не являлись лекарствами. Под видом целительных порошков в аптеке Маджета продавался толченый мел, под видом микстур – разбавленный спирт, а водопроводная вода в крохотных бутылочках по 50 гр. продавалась как «минеральная».

Хотя эти мошенничества юридически доказать было сравнительно легко на этом нельзя было останавливаться. Всем, причастным к расследованию деятельности Маджета, было ясно, что толченый мел и водопроводная вода под видом "минеральной" лишь вершина айсберга. Если Германн Маджет действительно повинен в смерти людей необходимо было предъявить трупы; только под угрозой виселицы этого лгуна можно было заставить сказать правду.

И тут в «деле Маджета-Холмса» вторично возник детектив Фрэнк Гейер. Тот справедливо рассудил, что проследить судьбу трёх детей Питезеля гораздо проще, нежели сестер Уильямс или Джулии Коннер, прежде всего потому, что дети более приметны, а также в силу того, что исчезли они сравнительно недавно. Но искать детей следовало не в Чикаго, ибо там Маджет не появлялся с конца 1893 г.

Гейер, вооружившись фотографиями Германа Маджета и детей Питезеля, отправился в длительное путешествие по США и Канаде. Фактически детектив повторил путь «осеннего марафона» преступника, тщательно исследуя обстоятельства пребывания Маджета в каждом из городов. Гейер исходил из предположения, что Маджет убил детей и каким-то образом избавился от тел: он мог спрятать трупы как в арендованных домах, так и вне их, возможно, он сумел даже вывезти для захоронения трупы за город. Гейер, насколько это было возможно, пытался установить когда и куда Маджет ездил на извозчиках, в сопровождении каких лиц, какой багаж имел с собой и пр. детали времяпрепровождения арестованного преступника.

В ходе этих розысков, растянувшихся почти на восемь месяцев, детектив Гейер сделал несколько интересных и важных открытий.

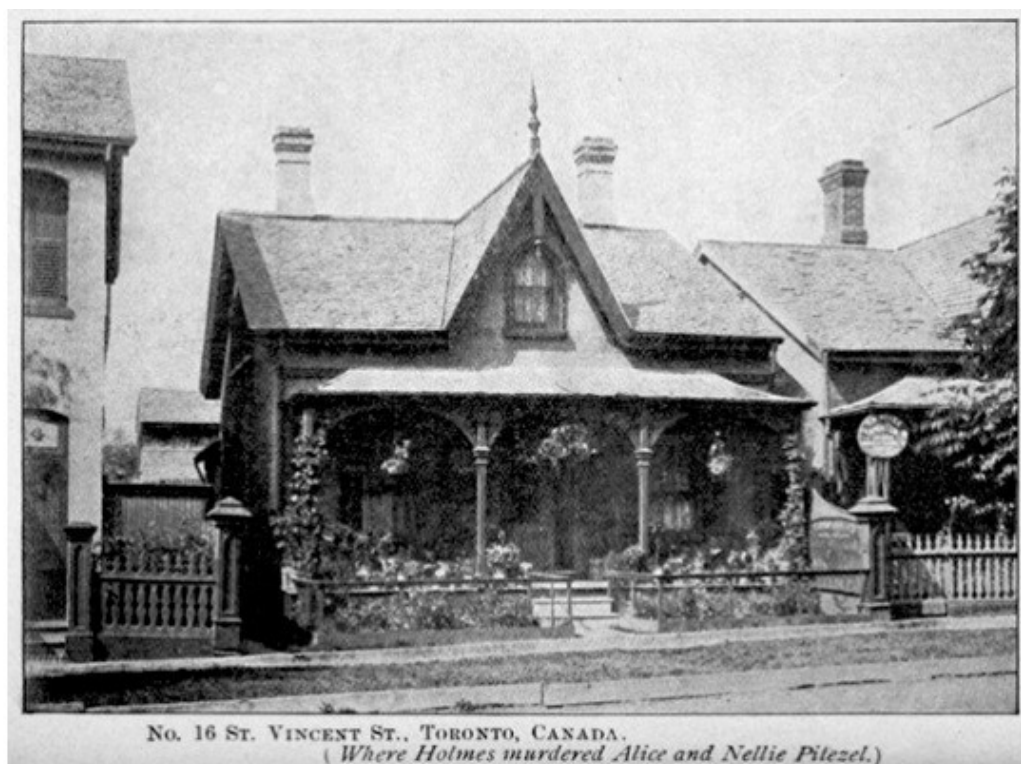
Во-первых, стало ясно, что Герман Маджет в своих перемещениях по стране возил с собою нескольких человек сразу, причём, его спутники не подозревали о существовании друг друга. Выглядело это так: под именем «Генри Пратт» он приезжал в город с Джорджиной Йоук и оставлял её в отеле, затем привозил в этот же город детей Питезеля, которых селил на условиях полного пансиона в какой-либо семье, и наконец, после этого встречал Кэрри Кэннинг, которую помещал в ещё один отель. Все эти люди жили на расстоянии не более шести кварталов друг от друга, т. е. очень компактно. В разных местах преступник назывался разными именами и фамилиями. Маджет метался между ними, появляясь у каждого из спутников по несколько раз на дню. Сложно не восхититься его энергии, изобретательности и продемонстрированным навыкам конспирации. У Бомарше описан плут, бывший слугой двух господ, Маджет служил трём. Он умудрился ни разу не ошибиться: Джорджина Йоук не видела его с Кэрри Кэннинг, а та в свою очередь так и не увидела своих детей, хотя на протяжении нескольких недель находилась буквально в двух шагах от них.

Во-вторых, Гейер установил, что в какой-то момент времени Маджет по непонятной причине разделил детей. Во всяком случае в Торонто он привез только девочек Элис и Нелли; 8-летнего Говарда с ними не было. Перед тем в Детройте дети проживали втроём. В Торонто Маджет поселил девочек в доме №16 по Винсент-стрит под присмотром приходящей няни. В течение 3 суток Гейер с помощью детектива полиции Торонто Альфреда Кадди (Alf Cuddy) вёл безрезультатные поиски следов Говарда и уже отчаялся было добиться результата. В конце концов по совету канадского коллеги детектив решил обратиться к местной прессе. 10 июля Гейер собрал пресс-конференцию в отеле «Rossin» и рассказал о возникших затруднениях. На следующий день с ним связались местные жители, вспомнившие о том, что американские девочки Элис и Нелли как-то обмолвились о своём младшем братике, который остался в Индианаполисе. Таким образом удалось установить направление дальнейших поисков Говарда.

В-третьих, частному детективу удалось узнать, что Маджет, живя в Канаде, брал у соседей лопату, якобы, для того, чтобы углубить подвал. Учитывая, что к этому времени Гейер знал о том, что Маджет принимался копать подозрительные ямы в Детройте и Берлингтоне, у детектива не осталось сомнений, что и в Торонто преступник предпринял попытку подготовить могилу для своих жертв.

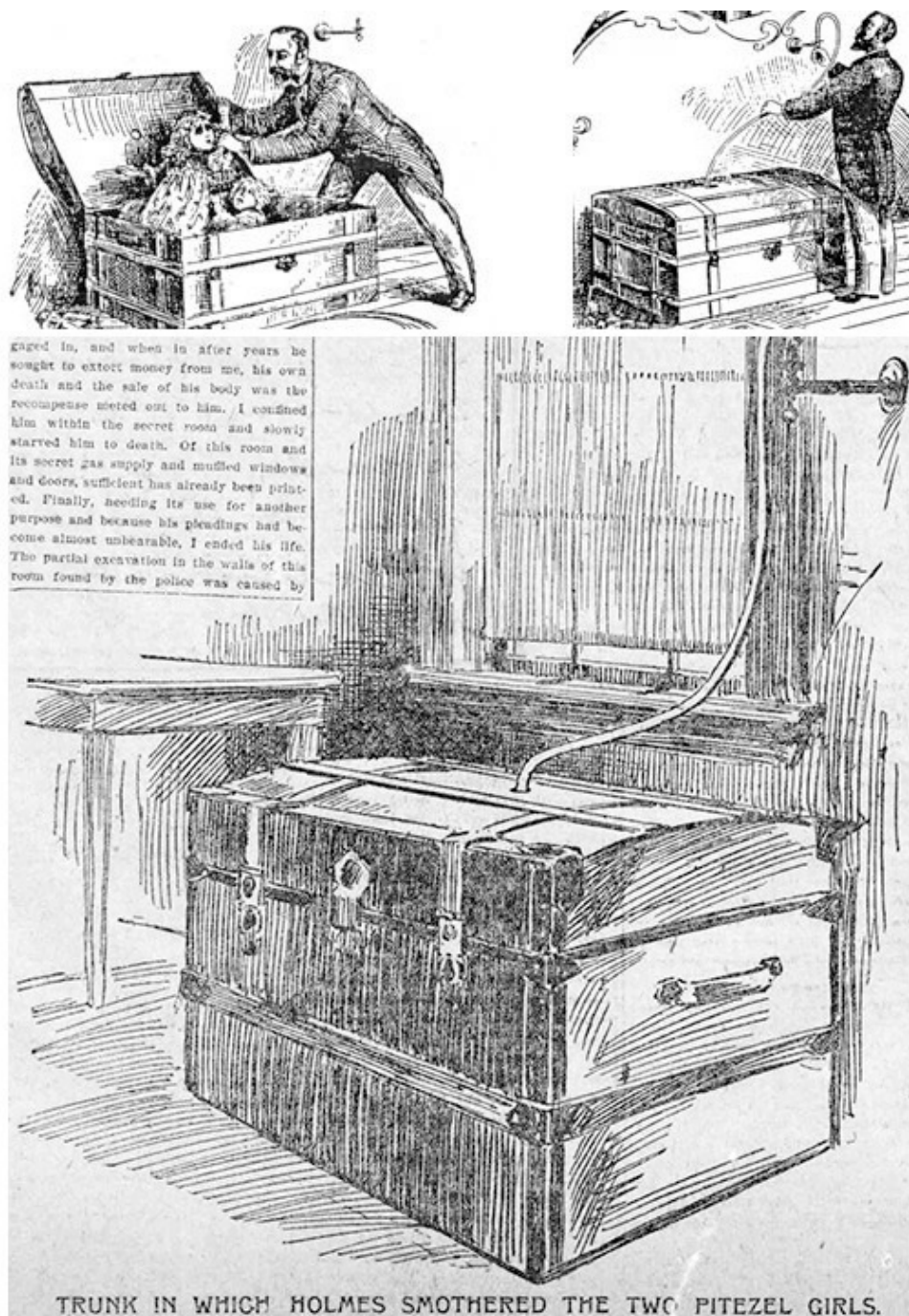
Судя по всему, Гейер и Кадди несмотря на разницу в возрасте [канадец был моложе североамериканского коллеги почти на 11 лет] образовали прекрасный тандем. Они решили перекопать земляной пол в подвале дома, арендованном 8 месяцев назад Маджетом-Холмсом. Детективы обзавелись лопатой и с ведома хозяина дома №16 по Винсент-стрит собственноручно занялись раскопками. Результат оказался обескураживающим – в июле 1895 г. сыщики

нашли два сильно разложившихся девичьих трупа. Насколько можно было судить, тела погибших не имели следов грубого насилия, а потому определение причины смерти представляло серьёзную проблему.

Почтовая открытка с изображением дома №16 по Винсент-стрит в Торонто. После обнаружения в подвале здания трупов Элис и Нелли Питезель этот адрес сделался местной достопримечательностью, туда водили экскурсии, в отелях приезжим предлагали разнообразные сувениры с изображением дома, широко тиражировались почтовые открытки и т. п.

Однако, в спальне на втором этаже Гейер отыскал каучуковый шланг диаметром дюйм (~2,5 см.). Детектив вспомнил, что среди вещей арестованного Генри Холмса был большой дорожный сундук с аккуратно просверленным дюймовым отверстием в крышке. Гейер предположил, что преступник вставлял в это отверстие шланг, через который подавал в сундук свечной газ, от которого жертва, запертая в сундуке, быстро умирала. Свечной газ, получаемый из кокса, во второй половине 19-го столетия уже широко использовался для освещения как домов, так и улиц.

Так газеты того времени иллюстрировали способ убийства Генри Холмсом Элис и Нелли Питезель.

Следственный эксперимент подтвердил реальную возможность такого способа убийства. Дюймовый каучуковый шланг из спальни очень точно подходил к отверстию в крышке сундука, подключиться же с помощью гибкого шланга к газовой магистрали внутри дома особой проблемы не составляло.

Остаётся добавить, что Кэрри Кэннинг опознала в обнаруженных в Торонто останках своих дочерей Элис и Нелли. Самые мрачные предположения Гейера получили подтверждение. Отправляясь в Индианаполис, он не сомневался в том, что там ему предстоит искать ещё один труп – на этот раз 8-летнего Говарда Питезеля.

Если в Торонто Гейер сумел найти трупы девочек всего за восемь дней, то в Индиане ему пришлось проработать почти полтора месяца. Детектив не имел никакой зацепки и потому

ему пришлось проводить розыск, что называется, «в лоб» обходя подряд все дома и разговаривая с прохожими. В своей записке о «деле Маджета-Холмса», которая впоследствии превратилась в большую книгу в стиле non-fiction, сыщик написал, что в Индианаполисе ему пришлось обойти более 900 домов и поговорить с несколькими тысячами человек, в надежде что кто-то что-то вспомнит.

В конце-концов Гейер убедился, что в самом городе Маджет ребёнка не прятал. Показания очевидцев привели сыщика в Ирвингтон, городок севернее Индианаполиса, где детектив отыскал дом, сданный в свое время Холмсу. Гейеру в который уже раз улыбнулась удача: оказалось, что с момента проживания по этому адресу Холмса дом никому не сдавался. Это оставляло надежду отыскать тело мальчика, либо следы, способные указать на его судьбу.

Гейер тщательно обыскал как сам дом, так и придомовую территорию. Он не обнаружил признаков того, что Холмс что-либо копал в подвале, либо на газоне. Совсем уже было отчаявшись, Гейер заглянул в печь и обнаружил там маленькие обугленные кости. Некоторые из них носили следы разрубания топором или мясницким ножом. Продемонстрировав кости анатому, Гейер получил заключение – это останки ребенка не старше 7—8 лет. Так детектив отыскал Говарда Питезеля, вернее, то, что осталось от мальчика после расчленения и сожжения.

Обнаружение останков детей давало возможность обвинить Маджета в неоднократном убийстве, кроме того, неплохие шансы на вынесение приговора имело и обвинение в убийстве Питезеля. Прокуратура штата Пенсильвания столкнулась с юридической дилеммой: какое из обвинений – в убийстве детей или Бенджамина Питезеля – имеет более шансов на вынесение обвинительного вердикта присяжными? В конечном итоге было решено обвинять Германа Маджета в убийстве одного только Питезеля (по законам многих штатов США, в т. ч. и Пенсильвании, различные эпизоды не объединяются общим производством и рассматриваются в суде как различные преступления). В том случае, если бы Маджету удалось избежать смертного приговора, обвинение тут же возбудило бы новый иск по факту убийств детей и экстрадировало бы его в Индиану.

Когда к концу лета 1895 г. стало ясно, что Германн Маджет – жестокий, бессердечный убийца детей, это открытие невольно подтолкнуло к более внимательному изучению его «Замка». Всё-таки это было место, где до ноября 1893 г. Маджет проводил немало времени и где терялись следы примерно полудюжины женщин. Первоначальный осмотр, проведенный при ликвидации магазинов в «Замке» в декабре 1894 г., ничего особенно подозрительного не выявил, однако тогда дотошного полицейского обыска проведено не было. Впрочем, уже в то время на втором и третьем этажах здания были обнаружены комнаты без окон. Некоторые из них были обиты изнутри листовым железом, другие – пробкой, некоторые из стен имели аномальную асбестовую изоляцию. Назначение странных помещений и их необычное оснащение осталось непонятым, формальное же объяснение Пэта Квинлана, управлявшего зданием, сводилось к тому, что комнаты таким образом делали пожаробезопасными. На самом деле подобное объяснение мало что объясняло, но до поры до времени на «Замок» Маджета полиция Чикаго внимания не обращала.

Кстати, впоследствии это невнимание к потенциально очень важному объекту вызвало всевозможные пересуды и комментарии, неприятные для полиции и местной власти. В частности, высказывались подозрения об умышленной пассивности, которая явилась следствием коррупции полиции. Дескать, активная работа правоохранителей в доме Маджета могла сильно сбить цены на недвижимость в Инглвуде, а потому кто-то из местных денежных воротил предложил «законникам попридержать лошадей». Причём в «Замок» на протяжении декабря 1894 г. и первой половины 1895 г. во множестве являлись разного рода любители сенсаций, журналисты и разного рода зеваки, для которых Патрик Квинлан за «толику малую» устраивал экскурсии. Имеются свидетельства того, что во время подобных экскурсий пропадали различные вещи, потенциально ценные для следствия, иначе говоря, посетители просили суве-

нир на память и Квинлан разрешал им что-либо взять. Разумеется, тоже «за толику малую», а не бесплатно.

Положение ещё более ухудшилось после того, как Квинлан с женою съехали из «Замка», фактически оставив огромный дом на разграбление. Произошло это в июне 1895 г., к тому времени, очевидно, Квинлан понял, что его работодатель застрял в тюрьме всерьёз и надолго, зарплату он платить более не станет, а потому и сторожить дом, в общем-то, незачем. За следующие полтора месяца дом подвергся настоящему разграблению, в ходе которого из «Замка» было вывезено всё более-менее ценное: мягкая мебель, зеркала, двери и т. п.

Автор не берётся высказывать собственное мнение относительно возможной коррупции чикагской полиции, но её пассивность нельзя не отметить. Тем более, что самого начала этой истории – т.е. начала розыска Маджета-Холмса – на «Замок» следовало обратить самое пристальное внимание. Уже в конце 1894 г. имелись веские основания подозревать неоднократное совершение в этом здании преступлений.

О чём идет речь?

Выше упоминалось, что осенью 1893 г. на третьем этаже здания произошёл пожар. Владелец здания рассчитывал получить по страховке 25 тыс.\$, но планам этим не суждено было сбыться – Холмса страховая компания отбрила, заявив о необходимости полицейского расследования. Более того, выяснилось, что сами страховщики обратились тогда в полицию Чикаго с заявлением, в котором сообщали о подозрении на мошенничество. Полиция взялась за работу и быстро заподозрила в совершении поджога Патрика Квинлана, работавшего тогда у Холмса дворником и грузчиком по совместительству. Квинлан даже был взят под стражу!

Неизвестно, чем бы закончилось то дело, если бы Холмс не помчался в страховую компанию с просьбой отозвать заявление. Страховщики вняли просьбе клиента, заявление отозвали, Квинлан вышел на свободу, а Холмс остался без денег.

Но это не конец истории, далее стало интереснее!

После освобождения своего дворника-грузчика Холмс неожиданно озаботился наведением порядка в здании. Он нанял специальный воз, оборудованный металлическим кузовом, и возницу якобы для вывоза строительного мусора.

Патрик Квинлан начинал работу у Холмса в качестве дворника и грузчика сразу после постройки «Замка». Летом 1894 г. после отъезда из Чикаго Бенджамина Питезеля он получил должность управляющего. В течение двух лет – с весны 1893 г. до лета 1895 г. – он проживал в доме на 63-й улице вместе с женою в качестве единственных квартирантов. Квинлан не мог не знать о том, что происходило в доме в те дни, когда там активничал Холмс. С большой вероятностью он являлся не только свидетелем преступлений, творимых его работодателем, но и активным их соучастником.

На протяжении недели Пэт Квинлан вытаскивал из здания всевозможный строительный мусор – доски, куски штукатурки, битое стекло, мешки – и вместе с возницей отвозил его на свалку за пределами города. Возница совершил в общей сложности более 20 «ходовок». После окончания работы владелец возка обнаружил на дне кузова обширные потёки чего-то, что очень напоминало кровь, кроме того, среди мелкого мусора, оставшегося на дне кузова, находилось множество костных фрагментов. У мужчины сложилось впечатление, что он возил не битый кирпич, а изрубленные скелеты!

Пораженный этим неприятным и пугающим открытием, возница отправился в полицию Чикаго и заявил о своих подозрениях. В подтверждение собственных страхов он представил мешочек, полный мелких костей. Нельзя сказать, что полицейские отмахнулись от него и проигнорировали сообщение – нет! – пара детективов отправилась в «Замок», отыскала там Холмса и принялась задавать вопросы. Надо отдать должное аферисту – тот и бровью не повёл!

Он разъяснил господам из полиции, что наличие костей имеет самое что ни на есть тривиальное объяснение – это были пищевые отходы работы ресторана, который прежде размещался в «Замке». Посмотрев на предъявленные ему кости, Холмс рассмеялся, и заверил детективов, что эти кости не являются человеческими. «Это телятина, господа! Говорю это, как врач», – солидно заверил детективов мошенник и полностью их убедил.

Именно после визита детективов Холмс неожиданно собрал вещишки и отбыл из города, оставив вместо себя Бенджамина Питезеля. Последний, напомним, оставался в Чикаго до июня

1894 г., после чего также уехал в неизвестном направлении. И вот тогда-то на должность домоправителя заступил Патрик Квинлан.

Поэтому при должном отношении чикагских полицейских к делу, уже в ноябре или декабре [крайний срок!] 1894 г. Патрика следовало брать в «оборот» и устраивать в «Замке» полноценный обыск. Этого, однако, сделано не было – о чём написано чуть выше – и в июне 1895 г. Квинлан с супругой выехали из здания. К счастью, далеко они не уехали и поселились в Уитоне, городке в 30 км. западнее Чикаго. Именно там чикагские полицейские, когда у них наконец дошли руки, и отыскивали последнего домоправителя «Замка».

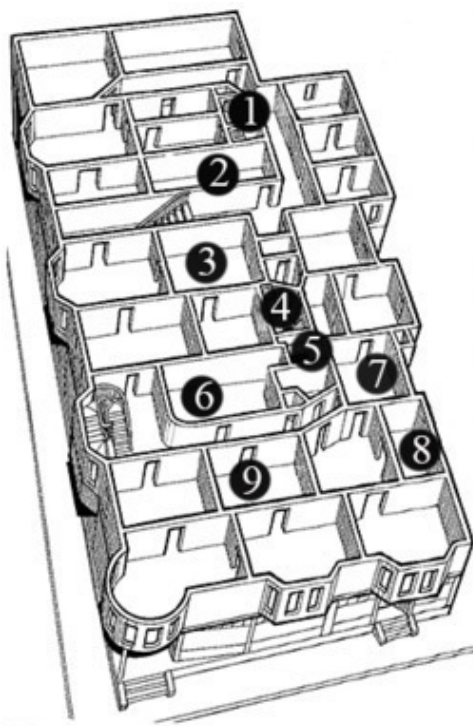
Произошло это в последней декаде июля 1895 г. – именно тогда большая группа чикагских полицейских во главе инспектором Фитцпатриком (Fitzpatrick) и лейтенантом Томасом (Thomas) приступила к планомерному осмотру «Замка». Квинлан и его супруга были препровождены в Чикаго для допроса и поскольку поначалу сотрудничать не хотели, обоим пришлось задержать в местной тюрьме. На протяжении последней недели июля велись напряженные допросы парочки, которая явно не спешила сотрудничать с полицией, но в конце концов, после того, как стали известны результаты обыска здания, дали признательные показания. Произошло это 2 августа и чуть ниже мы скажем несколько слов об их содержании.

Пока же – о детальном осмотре здания полицией. Перво-наперво, внимание осматривавших привлекла комната с металлическими стенами на 2-м этаже, не имевшая никаких вентиляционных отверстий. Это был тот самый сейф, о котором упоминалось в рассказе о постройке здания. Помещение оказалось совершенно пустым, не похоже было, чтобы в нём что-либо хранили. Герметичность запирающей двери навела полицейских на нехорошие размышления, в силу чего помещение это получило говорящее название "asphyxiation chamber" – "камера удушья" [на этажном плане, приведенном ниже, эта комната обозначена цифрой 2]. Человек, запертый в этом помещении на длительное время, должен был умереть от нехватки кислорода.

Далее по коридору располагались 2 небольшие комнатки, получившие у полицейских общее название "лаборатория" [на этажном плане они обозначены цифрой 1]. В них хранились большие бутылки из-под различных медицинских препаратов, а также имелось кое-какое лабораторное оборудование, в значительной степени расхищенное. Из лаборатории лестница-трап вела в комнату 3-го этажа.

Также на втором этаже в центральной части здания находились несколько странных помещений, не соприкасавшихся с внешними стенами. Они образовывали своеобразную изолированную «цитадель» и в подобном расположении явно имелся некий умысел. В одной из этих комнат находилась чугунная ванная. Из этой комнаты лестница-трап, во всём аналогичная трапу в лаборатории, вела в помещение этажом выше. Также в ванной комнате имелась в полу потайная лестница, закрывавшаяся откидным люком. Лестница эта вела в подвал, минуя 1-й этаж [эта комната обозначена на этажном плане цифрой 4].

Тут же в «цитадели», буквально за стеной ванной комнаты, было оборудовано помещение, которое полицейские называли «скрытое секретное место» («secret hiding place»). В этой комнатке размером буквально 1,8 м. на 1,5 м. находился своеобразный мусоропровод – широкий металлический кожух, проходивший через всё здание от чердака до подвала. Его можно было открывать на чердаке, на 3-м и 2-м этажах, а также в подвале. Примечательно то, что на 1-м этаже ничто не указывало на существование подобного «мусоропровода» – он был «зашит» внутри стены. Люки, через которые можно было попасть в «мусоропровод», были очень большими и полицейским оставалось только гадать, какой именно груз надлежало перемещать – точнее, сбрасывать – с верхних этажей в подвал [комната с мусоропроводом отмечена на этажном плане цифрой 5].

Условные обозначения:

1. Т.н. «лаборатория» - 2 небольшие комнаты, в одной из которых был оборудован трап, ведущий на 3 этаж;
2. Комната с металлическими стенами без вентиляции [сейф-хранилище], получившая название «asphyxiation chamber», то есть «удушающая камера»;
3. Тайная комната для подвешивания (растяжения);
4. Ванная комната с трапом, ведущим на 3-й этаж и скрытой под полом лестницей в подвал;
5. Скрытое секретное место – комната, в которой находился «мусоропровод» с большим люком.
6. Загадочная закрытая комната, изолированное помещение с 1 дверью и полуфутовой изоляцией (~15 см.) из пробки и асбеста;
7. Комната «пяти дверей». Одна из дверей вела в «скрытое секретное место» с «мусоропроводом»;
8. Секретная комната. Окно в этой комнате было заложено кирпичом, при этом с улицы кладка не была заметна из-за опущенных гардин;
9. «Тёмная» комната, освещение в которой отключалось рубильником из скрытой ниши в коридоре.

АксонOMETрическое изображение 2 этажа «Замка» Германна Маджета-Холмса. В качестве основы взят рисунок из июльского номера газеты «Чикаго трибюн». Следует отметить, что разные газеты на своих страницах давали несколько различавшиеся между собой этажные планы, но общее описание планировки оказывалось схожим во всех корреспонденциях.

Рядом с ванной комнатой было обнаружено другое необычное помещение, в котором находилось странное устройство с блоками и полиспадами, к которым крепились кожаные ремни. Полицейские предположили, что в этом помещении владелец дома кого-то вешал, поэтому комнату называли «секретной камерой для подвешивания» («the hanging secret chamber») [на этажном плане это помещение обозначено цифрой 3]. Однако позднее, благодаря пояснениям Патрика Квинлана, появилось предположение о другом предназначении странного станка с ремнями и блоками. Дело заключалось в том, что Маджет-Холмс был не чужд общенаучных интересов и, в частности, придерживался довольно экзотичного взгляда на происхождение человечества, согласно которому, люди произошли от расы гигантов. Маджет считал, что процесс уменьшения роста обратим и человеческие суставы и хрящи могут быть «вытянуты» таким образом, что рост современных людей может быть значительно увеличен. Он всерьёз работал над подобной методикой и экспериментировал на трупах.

Полицейские усомнились в том, что Маджет-Холмс ограничивался исключительно телами умерших, но Квинлан настаивал на том, что ему ничего не было известно о применении подобных «растяжек» в отношении живых людей.

Там же, на втором этаже, находился ряд других примечательных комнат, назначение которых рождало самые невесёлые предположения. В числе таковых можно назвать комнату с окном, заложённым кирпичом [на этажном плане она обозначена цифрой 8]. С улицы кирпичную кладку невозможно было увидеть, поскольку её скрывала опущенная гардина.

Рядом с этим помещением находилась «комната пяти дверей» [обозначена цифрой 7 на плане 2 этажа], из которых 3 вели в соседние помещения, а 2 являлись ложными, открывая которые человек видел перед собой кирпичную стену. Полицейские предположили, что эту комнату Маджет-Холмс использовал как ловушку, т.е. входя с намеченной жертвой в одну дверь, он просил немного его подождать, выходил через другую, запирали её, а потом кружным

путём возвращался к первой двери и запирали её. Человек при этом тревоги не испытывал, полагая, что всегда сможет свободно выйти и должно было пройти некоторое время, прежде чем он понимал, что оказался в западне.

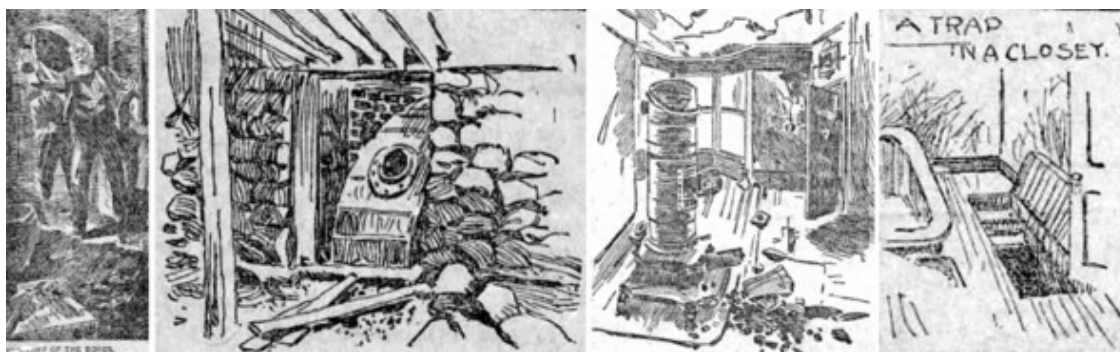
Другим помещением с труднообъяснимым назначением оказалась комната, названная полицейскими «mysterious closed room» («загадочная закрытая комната»). Это помещение с единственной дверью, замок в которой запирали только снаружи, имело мощную, толщиной в половину фута (~15 см.) изоляцию из пробки и асбеста стен и потолка. Комната имела абсолютную звукоизоляцию, на основании чего полицейские предположили, что использовалась она в качестве тюремной камеры. Либо – как вариант – в качестве пыточной камеры. Асбест негорюч, его использование для отделки устраняло угрозу пожара при работе с огнём [помещение обозначено на плане 2 этажа цифрой 6].

Прямо напротив «загадочной закрытой комнаты» находилась другая не менее загадочная. Она получила у полицейских название «тёмной комнаты» [на этажном плане её номер 9]. Она была интересна тем, что светильники в ней выключались вентилем, находившимся в скрытой нише в коридоре. Цель подобного переоборудования представлялась неясной, точнее, те домыслы, которые приходили в головы полицейским, заставляли их предполагать некий преступный замысел.

Третий этаж здания, как отмечалось ранее, в 1893 г. пострадал от пожара, который с большой вероятностью явился элементом очередной страховой аферы Холмса. Последний, очевидно, подготовил этаж к осмотру посторонними лицами (страховыми агентами, пожарными инспекторами), поэтому ничего особенно подозрительного полицейский обыск в июле 1895 г. не выявил. Самым интересным местом на этаже оказалась комната, которую по словам Патрика Квинлана во время проживания в «Замке» занимала Минни Уилльямс. Она располагалась возле винтовой лестницы примерно над «загадочной закрытой комнатой», обозначенной на приведенной выше схеме 2-го этажа цифрой 6. В комнате Минни были обнаружены кое-какие женские вещи, но ничего, способного указать на местопребывание пропавшей женщины, найти не удалось.

Самые большие сюрпризы, связанные с «Замком», оказались запрятаны в подвале. Попасть туда оказалось непросто, для этого следовало миновать два тамбура и открыть 3 запертых стальных двери. Квинлан и его супруга клялись, что не имели ключей и никогда в подвал не спускались и хоть это утверждение представлялось недостоверным, полиции пришлось прибегнуть к помощи слесаря. Возня с замками продолжалась довольно долго, более двух часов, но в конце концов долготерпение полицейских оказалось вознаграждено.

Буквально у самого входа в подвал находились 2 частично вкопанных в земляной пол коробка из досок. В обоих среди всевозможного строительного мусора в хаотичном беспорядке оказались свалены... человеческие кости. Правда, уточним сразу же, что впоследствии это открытие отчасти было дезавуировано, поскольку выяснилось, что часть костей принадлежали крупным животным. Владелец мясной лавки по соседству сообщил полиции, что Холмс перед своим исчезновением осенью 1893 г. покупал у него кости. Очевидно, Холмс перед отъездом пытался навести порядок и скрыть следы преступной деятельности. Понимая, что в огромном полутёмном подвале он мог пропустить опасные для себя улики, преступник разбросал кости животных, намереваясь сбить с толку тех, кто станет это помещение исследовать. Тем не менее, кости людей в подвале [в т.ч. и в упомянутых коробках] находились, хотя и в меньших количествах, нежели свиные и бараньи.

Иллюстрации из газет июля-августа 1895 г., дающие представление об открытиях, сделанных полицией при осмотре «Замка» Германна Маджета-Холмса. Крайний рисунок слева изображает сцену входа людей в подвал; второй слева – металлический короб-«мусоропровод»; на втором рисунке справа показана печь в комнате 3-го этажа, в золе которой были найдены человеческие кости; на рисунке справа – лестница в полу из ванной комнаты 2-го этажа в подвал (на плане 2-го этажа эта комната обозначена цифрой 4).

Подвал оказался довольно глубокий – 2,8 м. от поверхности земли – и был значительно больше размеров фундамента здания. Германн Маджет значительно расширил площадь подвала, выбрав землю под тротуаром и проезжей частью 63-ей стрит. В образовавшуюся пустоту был введён большой металлический бак.

В подвале оканчивался тот самый «мусоропровод», начало которого было обнаружено на чердаке. Нижняя его часть изгибалась, придавая всей конструкции вид буквы L. В непосредственной близости от «мусоропровода» находилась сколоченная из грубых досок конструкция, которую полицейские называли «широкой скамьей», но по сути это был стол. Прозекторский стол! Дерево было пропитано почерневшей застарелой кровью. Не вызывало сомнений то, что на этом столе было пролито очень много крови. В то время судебная медицина не могла определять видовую принадлежность крови, поэтому установить, была ли это человеческая кровь или кровь животных, врачи коронерской службы не могли¹. Подле стояла старая сумка с набором хирургических инструментов, на которых сохранились следы крови. А под дощатым столом находилась большая коробка, в которой навалом лежали человеческие кости. Разбиравшие коробку анатомы сочли, что в ней находились кости по меньшей мере четырех женщин.

Также в подвале были обнаружены два больших ящика с инструментами. Внимание полицейских привлёк молоток, сильно запачканный чем-то похожим на кровь. Полиция попросила врачей из службы коронера дать заключение о происхождении крови, но в силу указанной выше причины наука в 1895 г. помочь следствию в прояснении этого вопроса не могла.

Высота сколоченной из досок «широкой скамьи» соответствовала высоте люка в металлическом кожухе. Не вызывало сомнений, что эта конструкция использовалась для сбрасывания в подвал трупов, которые сразу же попадали на самодельный прозекторский стол. Очевидно, Германн Маджет продумал эргономические аспекты своей деятельности и здраво рассудил, что труп удобнее извлекать из «мусоропровода» и укладывать прямо на стол, нежели бросать сначала на землю, а потом с земли поднимать вверх. Очевидно, на обнаруженном прозекторском столе осуществлялось расчленение тел убитых для удобства последующего уничтожения останков – такова была первоначальная версия полицейских. Впрочем, через некоторое время это предположение претерпело некоторое изменение, о чём будет сказано чуть ниже.

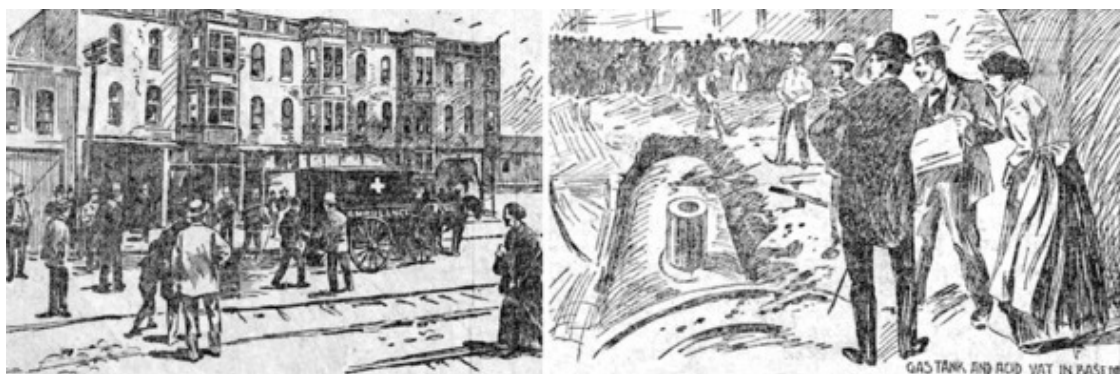
¹ Методику, позволяющую доказать происхождение крови именно от человека, а не животного или птицы, удалось разработать немецкому судебному медику Уленгуту в 1901 г. В своей работе Уленгут опирался на открытие 2 годами ранее русским учёным Чистовичем специфической реакции преципитации, поэтому сейчас такой анализ следов крови называют «реакцией Чистовича-Уленгута».

Помимо прозекторского стола ("широкой скамьи"), на котором предположительно расчленялись трупы, в подвале было найдено еще одно приспособление для уничтожения тел. Это была настоящая печь для кремации, оснащенная выкатывавшимся лотком и имевшая подвод свечного газа. Разумеется, полицейских заинтересовало устройство этого довольно сложного с инженерной точки зрения устройства, размещенного в помещении ограниченного объема и с явно недостаточной вентиляцией. Оказалось, что из печи был оборудован узкий ход-вытяжка, выложенный огнеупорным кирпичем; куда вел этот ход не представлялось возможным определить ввиду его узости. Чтобы выяснить все особенности конструкции подземного крематория, чикагские пожарные стали прокладывать тоннель вдоль вытяжного лаза и через несколько метров уперлись в кирпичную стену. Когда кладка была разбита оказалось, что вытяжка вела... в настоящую металлическую цистерну, являвшуюся своего рода баком-конденсатором! Этот бак ввиду своих значительных размеров не мог размещаться в подвале – его вкопали в землю поперёк 63-й стрит, разместив ниже тротуара и мостовой [на глубине 4 фута, т.е. 1,2 м. от поверхности земли]! В баке имелось отверстие, замаскированное под обычный канализационный люк, что предотвращало повышение давления горячего газа внутри и тем самым устраняло угрозу взрыва.

Для осмотра содержимого бака был приглашён работник водопроводной компании. Он установил, что внутри находилась густая черная маслянистая жидкость, заполнявшая бак на высоту примерно 15 см.; жидкость эта издавала ужасный запах.

Обнаружение бака разъяснило принцип работы подвального крематория. Горячий газ, вырывавшийся из печи вместе с продуктами горения плоти, попадал в бак-конденсатор, где быстро охлаждался и разделялся на фракции: более лёгкие и летучие через отверстие вверху бака уходили в атмосферу, а более тяжёлые – осаждались на стенках и затем стекали вниз. Чёрная жидкость, собравшаяся на днище бака была тем, что осталось от сжигаемых (и не до конца сожженных) в подвальном крематории тел.

В этом месте остаётся добавить, что работа пожарных и водопроводчиков по изучению печи оказалась сопряжена с большими трудностями, поскольку чудовищная вонь, поступающая в подвал из бака-конденсатора и связанной с ним системы циркуляции газов, сделала невозможным длительное пребывание людей в подвале.

Иллюстрации из чикагских газет 1895 г. Слева: вид на «Замок» Холмса с Уоллес стрит, в медицинскую карету грузятся останки, найденные в подвале здания. Справа: раскопанный под 63-й стрит бак.

Некоторые рабочие получили отравления газом, а начальник пожарной команды Чикаго Джеймс Кенион, прибывший для личного осмотра необычного здания, прямо в подвале потерял сознание. Он был поднят на поверхность и более двух часов не приходил в себя.

В июле 1895 г. в полицию Чикаго обратился отец некоей Эмелайн Сигранд (Emeline G. Sigrand), привлекательной девушки 1873 года рождения, исчезнувшей осенью 1892 г. По сло-

вам Питера Сигранда, его дочь имела определенную связь с «Замком» и когда газеты сообщили о проведении в нём обыска и сделанных в здании открытиях, всем родственникам стало ясно, что молчать более нельзя. Фамилия пропавшей девушки ничего не говорила чикагским детективам, но ее история внушала самые невеселые мысли о её судьбе. Сигранд по рассказу отца и воспоминаниям видевших её людей была очень красива: блондинка с голубыми глазами, замечательной фигурой и звонким голосом. Об Эмелейн говорили как о трудолюбивой и честной девушке, готовой много работать, дабы обеспечить свою будущность. Выучившись на стенографистку, Эмелейн сначала работала в офисе мэра городка Ла Файетт, штат Индиана, а в июле 1891 г. устроилась делопроизводителем в санаторий для алкоголиков в г. Дуайте, штат Иллинойс. Доктор Кили, создатель санатория, разработал методику лечения алкоголизма бихлоридом золота и неплохо зарабатывал на этом.

Весной 1892 г. Сигранд познакомилась с неким английским лордом, которого звали Роберт Фелпс. Лорд пригласил женщину на работу в собственный офис, пообещав оклад в 1,5 раза больший, нежели она имела в санатории доктора Кили. Проницательные читатели уже, видимо, догадались, что офис английского лорда располагался в отеле «Замок» на 63-й стрит в Чикаго. По словам «лорда» он вёл в Соединенных Штатах сразу несколько крупных торговых предприятий и арендовал практически всё здание. Запрос полиции Чикаго в Миграционную службу США показал, что никакой английский «лорд Фелпс» никогда на территорию страны не въезжал.

Летом 1892 г. Эмелейн перебралась в Чикаго, где быстро была очарована деликатным обхождением и прекрасными манерами своего нового знакомого. Своей младшей сестре Филомене женщина написала, что скоро выйдет замуж на "лорда Фелпса" и уедет в Великобританию. Всего же родственники Эмелейн Сигранд представили полиции 12 писем девушки, датированные 1892 годом, в которых так или иначе описывались обстоятельства отношений Эмелейн с женихом.

В начале сентября того же года было объявлено о помолвке «лорда Фелпса» и Сигранд. Родственники последней приехали в Чикаго, чтобы познакомиться с избранником Эмелейн, однако, оказалось, что сделать это невозможно: срочные дела потребовали немедленного отъезда «лорда» из города. Ожидаемый поворот сюжета, не так ли? Думается, никто из читателей не удивится тому, что таинственный лорд постарался избежать знакомства с родственниками невесты. В общем, никто из родственников так никогда и не увидел «лорда Роберта Фелпса». Следует упомянуть, что Сигранд не жила в «Замке» Маджета, а снимала квартиру в нескольких кварталах от него и являлась в офис «лорда» каждый день как на работу.

Провинциальная родня Эмелейн сходилась в "Замок", так сказать, на разведку, дабы своими глазами посмотреть, каким же бизнесом занимается в США "английский лорд". Изучив обстановку ресторана, аптеку и ювелирный магазин, расположенные на первом этаже "Замка", родственники были крайне озадачены увиденным. Дядя Эмелейн прямо заявил племяннице, что не верит в благородное происхождение её жениха, поскольку вычурный стиль обстановки свидетельствовал, по его мнению, о полном отсутствии у владельца дома художественного вкуса. Кроме того, сам бизнес – торговля ювелирными украшениями и аптечными товарами – скорее соответствовал традициям евреев, нежели потомственных дворян. Последние предпочитали иные виды деятельности – воинскую или государственную службу, агротехнический бизнес на землях собственных поместий, инвестиции в промышленное производство.

Однако, Эмелейн проигнорировала комментарии родственников. Они покинули Чикаго, а Сигранд осталась дожидаться возвращения в город своего жениха. Последнее её письмо, датированное ноябрем 1892 г., содержало указание на подготовку к свадьбе, которая была запланирована на декабрь. Сигранд написала, что на церемонии будут присутствовать только лица со стороны мужа, разумеется, все сплошь «благородного происхождения», сразу после свадьбы молодые должны были отправиться в поездку по Европе.

После этого Эмелайн Сигранд исчезла и отыскать её родственникам не удалось. Как нетрудно догадаться, следов «лорда Фелпса» тоже не осталось. После того, как в июле 1895 г. в газетах появилась информация о чудовищных открытиях, сделанных в здании на 63-й стрит, родственники исчезнувшей женщины поняли, что именно там Эмелайн и погибла. Полиция также была уверена в этом, хотя доказать подобное утверждение без признания Маджета не представлялось возможным.

2 августа супруги Квинлан, наконец-то, «развязали» языки и стали давать признательные показания. Если быть совсем точным, то первой заговорила жена, Патрик стал признаваться уже после того, как узнал о её показаниях, но детали эти для нас сейчас особой роли не играют. Рассказы ближайших помощников Холмса-Маджета до некоторой степени видеоизменили предполагавшуюся следствием картину событий.

Квинланы признали тот факт, что их работодатель действительно занимался анатомированием трупов и сжиганием человеческой плоти, но... он не убивал людей! Во всяком случае, Квинланы настаивали на том, что об убийствах им ничего не было известно! Маджет работал с трупами умерших людей, которые использовал для приготовления скелетов с целью их последующей продажи. Довольно необычный вид бизнеса, согласитесь, но стоимость полного скелета начиналась от 100\$, а если скелет имел аномалию развития, скажем, горб, сросшиеся позвонки и т.п., то цена его могла возрасти многократно. Бизнес-идея давала неплохой шанс для быстрого и сравнительно законного обогащения.

Но откуда же брались трупы? Всё в «Замке» указывало на то, что там были переработаны, если уместно использовать это слово в данном контексте, многие десятки человеческих тел, откуда же Холмс-Маджет их заполучил? Патрик Квинлан рассказал, что часть трупов его работодатель покупал либо вообще забирал бесплатно в больничных моргах – это были тела разного рода бродяг или нищих, чьи родственники отказывались принимать на себя расходы по погребению. Но таких тел было меньшинство, поскольку Холмс не любил и опасался работать с ними. Причины были вполне очевидны – лица этой категории обычно страдали разного рода опасными болезнями, вроде туберкулёза, сифилиса и т.п., и малейшая неосторожность при вскрытии грозила заболеванием.

Поэтому Холмс-Маджет предпочитал трупы... воровать! Да, именно так, вы поняли всё правильно, мастер изготовления скелетов воровал тела на кладбищах! Разумеется, Холмс не утруждал себя раскопкой могил – этим занимался Патрик Квинлан, в чём последний и сознался. Он пообещал полиции показать места и конкретные могилы, из которых лично выкапывал гробы с телами. Занимался он этим по ночам, в этих поездках его обычно сопровождал Холмс. Мрачная добыча привозилась в «Замок», Холмс уносил трупы в подвал, в супруги Квинлан занимались... очисткой гроба. Да-да, удивляться не надо, гроб впоследствии также шёл на продажу под видом нового! Если же в гробу было много серебряных украшений, то их Квинланы их снимали и впоследствии продавали, а гроб – уничтожали.

С точки зрения современных представлений это занятие может показаться диким и совершенно иррациональным, но мародёрство на кладбищах для той поры было явлением если не повсеместным, то весьма распространённым. В этом месте автор позволит себе небольшое отступление, надеюсь, не лишённое интереса. Спустя менее двух десятков лет после описываемых событий – в феврале 1911 г. – в штате Пенсильвания имели место довольно любопытные события, связанные с попыткой кладбищенских мародёров разграбить семейный склеп богатой семьи Скотт.

Этой семье принадлежали крупные железнодорожные компании, фирма по городскому освещению, газеты и пр. – в общем, это были крупные воротилы. А Уильям Скотт (William L. Scott), мало того, что был крупным бизнесменом, так ещё одно время являлся советником

как кладбищенские кражи, каковые существовали в США (и иных богатых государствах) всегда. Кладбищенский сторож, обходящий в тёмное время свою территорию с гремющей колоушкой в руках, являлся такой же приметой того времени, что и дилижансы, или, скажем, мужчины в шляпах. Известные и состоятельные люди становились жертвами кладбищенских воров ничуть не в меньшей степени, чем рядовые обыватели, а скорее даже в большей (в этой связи приходит на ум история похищения трупа Элвиса Пресли уже в последней четверти XX столетия). Нельзя считать Германна Маджета родноначальник исключительно оригинального способа обогащения, его главное «know how» заключалось в том, что он не просто грабил захоронения, а похищал тела с целью последующего изготовления из них скелетов на продажу.

В принципе, действия его также были уголовно наказуемы, но в силу понятных соображений тяжесть подобного деяния радикально отличалась от того, в чём Холмс подозревался ранее [т.е. убийства, точнее, неоднократно совершенных убийств]. Таким образом показания супругов Квинлан до некоторой степени облегчали положение арестанта. Окружная прокуратура очень хотела добиться от супругов признания в том, что те были осведомлены об убийствах, совершенных Маджетом-Холмсом, но Квинланы проявили удивительное упорство в отрицании подобного рода догадок. По-видимому, оба понимали, что малейшее признание такого рода привяжет их к намного более серьёзному обвинению. Быть пособником убийцы (пусть и в форме недонесения) намного хуже, нежели обвиняться в нарушении неприкосновенности кладбищ, так что Квинланы разумно решили сознаться в наименее опасном преступлении, дабы не допустить обвинения в более тяжком.

На этом этапе следствие решилось на шаг, с одной стороны, довольно предсказуемый, а с другой – спорный. По просьбе Департамента юстиции штата Пенсильвания супругам Квинлан было предложено свидетельствовать против Холмса-Маджета в суде. В обмен на изобличающие показания прокурор округа Кук соглашался не выдвигать против Квинланов обвинений в нарушении неприкосновенности кладбищ. Супруги согласились, что следует признать совершенно оправданным выбором, и таким образом вообще избежали какого-либо наказания за свои, мягко говоря, неблагоприятные проделки.

То, что Правосудие позволило супругам избежать какого-либо наказания, впоследствии неоднократно приводилось журналистами и многими местными политиками как пример своего рода эталонной судебной ошибки. Очень многие считали, что Квинланам нельзя было делать такое предложение, этих людей надлежало судить и отправить за решётку. Мало кто верил в их неосведомленность о проделках Холмса-Маджета. На протяжении нескольких лет – по крайней мере в период 1890 – 1893 гг. – в «Замке» исчезали люди – притом люди, хорошо знакомые супругам Квинлан! – и казалось невозможным, чтобы последние не догадывались об истинных обстоятельствах этих исчезновений.

Тем не менее, случилось так, как случилось. Квинланы своими показаниями фактически помогли обвиняемому Холмсу, сидевшему в филаделфийской тюрьме. Но этим неприятные для обвинения новости не исчерпывались.

Выше уже упоминалось о том, что возле входа в подвал были вкопаны для больших короба, заполненные костными останками. Дабы читатель составил впечатление о размере коробов, сообщим, что их длина составляла 1 ярд (90 см.), ширина 2/3 ярда (60 см.) и высота 1 ярд (90 см.), объём каждого, соответственно, равнялся 0,49 кубических метра. Как видим, в коробах находилось около 1 кубометра костных останков! Для того, чтобы получить столько костей от людей, требовались десятки скелетов!

Однако, когда содержимое коробов представили судебным медикам, выяснилось, что подавляющая часть костей не являются человеческими! Это были свиные, говяжьи и бараньи кости – они составляли около 9/10 общего объёма костей. Но при этом часть костных фрагментов явно была человеческой – в этом вопросе врачи исключали возможность ошибки. После

долгих прений и колебаний судебные медики сошлись в том, что в коробах находились останки приблизительно 4—6 человек [вряд ли больше].

Опросом торговцев, державших мясные магазины в районе Энглвуд, удалось установить, что осенью 1893 г. Германн Маджет неожиданно озаботился скупкой костей, оставшихся при разделке туш. На протяжении нескольких дней он объезжал магазины и загружал в свою коляску любые кости, которые ему предлагали. Свои действия он объяснил тем, что якобы разработал новую технологию получения клея из костей животных, и дабы запатентовать её, нуждается в большом количестве костного материала. Точные даты этих событий никто вспомнить не мог – всё-таки с той поры минуло почти 2 года! – но опрошенные сходились в том, что история с закупкой костей имела место в середине осени, т.е. в октябре. Примерно тогда случился пожар в «Замке», Патрик Квинлан был задержан полицией, а потом освобождён, после чего занялся вывозом мусора.

Таким образом, события перед исчезновением Холмса получили довольно логичное дополнение. Преступник заподозрил, что привлёк к себе внимание полиции и решил "залечь на дно", для чего ему надлежало покинуть Чикаго. Перед отъездом он озаботился "подчисткой хвостов", то есть уничтожением наиболее явных и опасных улик, способных доказать его преступную деятельность. Многие Маджет-Холмс действительно в те дни смог уничтожить или с помощью Патрика Квинлана вывезти из здания на мусорную свалку, однако улики было столько и находились они в таком количестве тайных мест, что полностью избавиться от них было крайне затруднительно. Понимая, что он может что-то забыть, или упустить из внимания, преступник решил последовать хитрости древнекитайского мыслителя Лао-Цзы, сказавшего однажды, что дерево лучше всего прятать в лесу. Кости животных, оставленные в подвале, призваны были усыпить бдительность тех, кто возможно станет обыскивать здание. Убедившись в том, что костные останки не принадлежат человеку, они должны были утратить всякий интерес к находкам такого рода.

Расчёт, как мы види, не оправдался, но сам по себе ход мысли Маджета-Холмса заслуживает упоминания.

Ещё до того, как супруги Квинлан дали показания о хищениях трупов с кладбищ, в полицию Чикаго явился человек, заявивший о том, будто он владеет важной информацией о Холмсе и его роде занятий. Этого человека звали Майкл Чэппел (M. G. Chappell), по роду занятий он был прозектором в медицинской школе под названием «Bennet medical school», но попутно подрабатывал таксидермистом и имел массу иных увлечений, например, ремонтировал часы и изготавливал на заказ необычные куклы, в общем, это был мастер на все руки от скуки. Чэппел сообщил, что некоторое время работал вместе с Холмсом и изготовил из предоставленного им материала 3 скелета. То есть Холмс передавал Чэппелу комплект человеческих костей, а тот изготавливал из стали анатомически точный каркас, на который эти кости крепились, в точности воспроизводя их пространственное расположение. Судьбу 2-х скелетов Чэппел не знал, а вот судьбу третьего он прояснить смог.

Дело заключалось в том, что 3-й скелет был очень необычным – он принадлежал женщине высокого роста (180 см.), крепкого сложения, широкой кости, рожавшей, с большим тазом, у него были очень необычные для того времени антропометрические данные. И Чэппел предложил Холмсу продать этот скелет за большие деньги учебному заведению, на что Холмс согласился. Чэппел за толику малую этой сделке посодействовал. Если точнее, то Чэппел взял за свою работу 36\$.

Необычный скелет купил медицинский колледж Хэнеманна (Hahnemann Medical college) в Чикаго. Это учебное заведение, открывшееся в 1860 г., имеет очень интересную историю, достаточно сказать, что традиционная медицина преподавалась в нём наряду с гомеопатией, но нас в данном случае интересует совсем другое. Когда детективы явились к директору меди-

цинского колледжа Паулингу для проверки сообщения Чэппела, в его кабинете они увидели необычно большой скелет...

Разумеется, таксидермисту и часовых дел мастеру, собиравшему на досуге скелеты из настоящих человеческих костей, были заданы острые вопросы, например, о том, был ли он осведомлён о происхождении костей? Был ли он уверен в том, что не совершает преступление? Был ли он уверен в том, что преступление не совершил Маджет-Холмс?

Может показаться невероятным, но Чэппел дал исчерпывающие ответы на все вопросы и ответы эти с одной стороны многое объяснили, а с другой, наоборот, запутали.

Чэппел рассказал полицейским, что интересовался у Холмса происхождением человеческих костей и тот совершенно спокойно объяснил как и откуда их добывает. По его словам, он скупает неостребованные тела умерших в различных больницах и для того, чтобы успокоить Чэппела, даже предложил тому принять участие в одной из подобных операций. Чэппел рассказал, как весной 1893 г. он вместе со своим другом Германном отправился в местечко под названием Коттедж Гроув в 420 км. южнее Чикаго, где в местной больнице Холмс купил труп человека, чью личность не удалось установить. Совершенно официально тело было перевезено по железной дороге и доставлено в «Замок» Холмса.

Разумеется, у Чэппела спросили, бывал ли он в гостинице Холмса и что там видел? Свидетель и тут удивил полицейских, он простодушно признался, что бывал в «Замке», спускался в подвал, видел кремационную печь... ну, а что такого, ему ведь надо же было как-то сжигать плоть! Более того, Чэппел сообщил, что видел в подвале 2 больших чана – или ванны, если угодно – которые использовались для «финишной» обработки костей. Одна ванна находилась в юго-западном угле подвала, другая – в юго-восточном. В одну из ванн заливалась кислота, «съедавшая» остатки плоти, которые невозможно было отделить от костей при помощи скальпеля, а в другую – отбеливатель, поскольку человеческие кости на самом деле вовсе не белые и их надлежит отбеливать. Так сказать, для эстетики...

В июле 1895 г. упомянутых Чэппелом ванн в подвале не оказалось! Полиция Чикаго особо озаботилась их поиском, в подвале были проведены раскопки, но ничего найти так и не удалось. Германн Маджет явно побеспокоился о том, чтобы не показать посторонним лишнего!

Более того, Чэппел признался в том, что видел труп той самой необычно высокой женщины, скелет которой был продан в медицинский колледж Хэнеманна. Правда, труп был уже частично препарирован, другими словами, внутренние органы из него были извлечены, часть плоти срезана с бёдер и ягодиц, а также частично удалена плоть с головы. Так что с опознанием по фотографии возникли проблемы. Поглядев на предъявленные ему фотографии Джулии Коннерс и Эмелейн Сигранд, свидетель затруднился определить, какая из них лучше соответствует увиденному трупу. На вопрос детективов, не вызвало ли подозрений почтенного прозектора нахождение частично препарированного «свежего трупа» в жилом доме, Чэппел ответил отрицательно. И пояснил свою мысль, дескать, он знал, что Германн имеет лицензию на оказание медицинских услуг и является дипломированным врачом. Кроме того, Холмс убедительно объяснил происхождением мёртвых тел их покупкой в моргах, так что о чём тут беспокоиться?

Немного необычная, конечно же, логика, но для Америки конца XIX столетия, наверное, такие рассуждения были в порядке вещей.

В этом месте следует добавить – для полноты картины, так сказать – что сын Майкла Чэппела – 31-летний Чарльз – узнав, что его отец «вляпался» в историю, связанную с Германном Маджетом, поспешил сделать заявление для прессы, в котором сообщил, что любимый папенька страдает старческим слабоумием, верить его рассказам не следует и никакого Маджета-Холмса он отродясь не знал. Уже 29 июля газеты разнесли это заявление Чарльза Чэппела и в последующие дни тот несколько раз его повторял. Но полиция Чикаго была склонна пове-

рять в другое, а именно в то, что Чэппел-старший всё прекрасно помнит и деменцией отнюдь не страдает. В конечном итоге, сказанному Майклом Чэппелом поверили, хотя сообщенная им информация картину не проясняла, а лишь запутывала.

После того, как супруги Квинлан дали признательные показания, а информация Чэппела-старшего была проверена и получила подтверждение, стало ясно, что Маджет-Холмс имел отличное прикрытие для своего криминального промысла. Если бы его обвинили в убийстве, он мог убедительно опровергать любые подозрения, ссылаясь на то, что он легально покупает в больничных моргах неопознанные трупы... официально продаёт скелеты в медицинские учреждения... и в изготовлении скелетов ему помогает всем известный мастер... ничего нелегального, смотрите сами, проверяйте! Нельзя не признать того, что господин Маджет был очень ловким мерзавцем, хорошо думающим, с отличным перспективным мышлением.

Примерно в те же дни августа 1895 г. появились предположения, связанные с тем, где Маджет-Холмс находил потенциальные жертвы. Предположения эти не были лишены определенного изящества и отлично соответствовали извращенной и не лишенной хитроумия логике преступника. Маджет не бегал по улицам и не заманивал несчастных в своё логово, потенциальные жертвы приходили к нему сами.

Заметка от 29 июля 1895 г. с сообщением о том, что полиция Чикаго с помощью Майкла Чэппела обнаружила скелет, принадлежащий предположительно миссис Сигранд, но Чарльз Чэппел спешит дезавуировать показания отца, который якобы страдает старческим слабоумием. Негодование Чарльза Чэппела можно понять – благодаря папочке он в одночасье обрёл такую славу, какую врагу не пожелаешь!

Новая гостиница на 63-й стрит, открывшаяся перед самым началом Всемирной промышленной выставки в Чикаго, попала во все городские каталоги; справочная служба выставки рекомендовала посетителям «Замок» как «самый новый, прекрасно оборудованный» отель. Всемирная выставка превратилась в место настоящего паломничества как американских, так и иностранных туристов, в период с 1 мая по 30 октября 1893 г. её посетили более 26 млн. человек. За эти шесть месяцев в Чикаго бесследно исчезли более 4 тыс. человек, тела которых так никогда и не были найдены. Кто мог определить какой именно процент из числа без вести пропавших закончил свой земной путь в стенах «Замка»? Никто...

Во второй половине 1895 г. полиция Чикаго взялась за проверку тех случаев исчезновения людей, когда было известно, что пропавшие искали ночлег в Чикаго. Архив платной справочной службы сохранил множество подобных запросов, поступивших от приехавших на

Всемирную выставку туристов. Было установлено, что по меньшей мере 52 (!) человека получили адрес "Замка" и предположительно отправились туда, однако, полиции проследить дальнейший путь этих людей так и не удалось.

10 августа 1895 г. в полицию Чикаго обратился секретарь городской коммерческой палаты по фамилии Уиллард (C. D. Willard), пожелавший сделать официальное заявление о страховом мошенничестве Маджета-Холмса, имевшем место в далёком уже 1881 г. Уиллард тогда учился на филологическом факультете Университета в Энн-Арборе, а Холмс – на медицинском. О сути этого заявления мы упомянули ранее, когда рассказали о соседе Германна Маджета по кампусу, якобы умершем от заражения крови при поедании арахиса.

Если верить Уилларду, Маджет-Холмс не делал тогда большой тайны из этой аферы и охотно рассказывал о деталях произошедшего всем, готовым его слушать. История эта рождает массу вопросов, на которые Уиллард в своём рассказе не ответил, в частности, непонятно, где во время всех этих неординарных событий находились родители или иные родственники якобы умершего соседа Холмса или почему деньги получил Холмс, а не кто-либо из родни якобы умершего студента... Также непонятно, почему страховая компания удовлетворилась опознанием трупа одним лишь Холмсом и не потребовала привлечения к этой процедуре других свидетелей, хорошо знавших внешность умершего. В общем, есть вопросы к технической стороне того, как было задумано и реализовано данное мошенничество, но в 1895 г. никто над такими пустяками голову ломать не захотел, поскольку над Маджетом-Холмсом висел «дамоклов меч» совсем иного рода, такой, который грозил путешествием прямо на виселицу!

А потому проделки, совершенные Маджетом в далёком уже 1881 г., в то время уже никого не интересовали.

Теперь, пожалуй, можно подвести промежуточный итог и посмотреть на то, в каком положении находилось расследование преступлений Маджета-Холмса к концу лета 1895 г.

Представители американского правоохранительного сообщества из разных штатов связывали Германна Маджета с убийствами следующих лиц:

- Джулии Коннер (Julia L. Conner), бросившей своего мужа для того, чтобы остаться с Холмсом;

- Перл Коннер (Pearl Conner), малолетней дочери Джулии;

- Эмелейн Сигранд (Emeline G. Cigrand), устроившейся работать секретарём мифического "британского лорда Роберта Фелпса" (Robert K. Phelps), существование которого никогда не было подтверждено;

- Бенджамина Питезеля (Benjamin F. Pitezel), ближайшего помощника и подельника Маджета-Холмса, которого последний предпочёл принести в жертву собственной алчности (и попутно избавиться от опасного свидетеля);

- Элис Питезель (Alice Pitezel), старшей дочери Бенджамина Питезеля, которую Холмс использовал в своей последней афере. Элис с одной стороны являлась серьёзным обременением для активно перемещавшегося по стране преступника, а с другой – хорошо информированным свидетелем, которого Маджет-Холмс не мог отпустить к матери без угрозы разоблачения.

- Нелли Питезель (Nellie Pitezel), ещё одной дочери Бенджамина Питезеля, младшей сестры Элис Питезель. Нелли, по-видимому, была убита по тем же причинам, что и Элис. Расправа над девочками последовала в Торонто, на территории Канады;

- Говарда Питезеля (Howard Pitezel), сына Бенджамина Питезеля, младшего брата Элис и Нелли. Причина убийства та же, что и в случае убийства его сестёр, но в силу не совсем ясных причин это преступление было совершено позже и в другом месте (в пригороде г. Индианаполиса);

- Эмили ван Тэссел (Emily van Tassel), жительницы Чикаго, устраивавшейся на работу в "Замок" и ставшей в какой-то момент времени любовницей Маджета-Холмса;

– Минни Уилльямс (Minnie R. Williams), секретаря и любовницы Маджета-Холмса, приехавшей в Чикаго из Фот-Уорта, штат Техас;

– Энни Уилльямс (Anny Williams), сестры Минни, приехавшей к Минни в Чикаго и пропавшей без вести в одно время с сестрой. После исчезновения сестёр Германн Маджет-Холмс отправился в Техас, где, предъявив доверенности сестёр Уилльямс, продал принадлежавшую им значительную недвижимость;

– Джорджа Томаса (George H. Thomas), преступника, связанного с торговлей краденными лошадьми, который был найден убитым возле городка Коламбус (Columbus), штат Миссисипи. Сотрудники Департамента юстиции Техаса считали, что Томас был убит Маджетом.

Также в то время рассматривалась версия, согласно которой некий британский подданный, выдававший себя за «лорда Роберта Фелпса», существовал в действительности и также был убит Холмсом. Согласно этой версии Эмелейн Сигранд была знакома с этим человеком и действительно намеревалась выйти за него замуж, но Холмс убил сначала Роберта, а затем, дабы скрыть это преступление, расправился и с мисс Сигранд. Но в дальнейшем эта версия была отклонена и детективы пришли к выводу, что роль «лорда» играл сам Холмс, а его подручные – Бенджамин Питезель и Патрик Квинлан, с которыми мисс Сигранд безусловно встречалась в «Замке» – ему в этом помогали.

Сам Холмс, находившийся с конца ноября 1894 г. в тюрьме в Филадельфии, внимательно следил за газетными публикациями и в целом имел представление о том, как много (или наоборот, мало) сумели узнать о его прошлом служители Закона и Порядка. Он хранил олимпийское спокойствие и отказывался отвечать на вопросы прокурора. Несмотря на большой соблазн расширить рамки обвинения и передать обвиняемого федеральным властям, дабы те в ходе большого судебного процесса затронули все аспекты преступной деятельности Германа Маджета, окружной прокурор Джордж Грэхем не пошёл на это.

В тех условиях, по-видимому, это был правильный ход. Прокурор понимал, что доказательная база по многим эпизодам грешит большими пробелами, которые при известной ловкости защиты дадут ей неплохой шанс отбить все нападки в адрес Маджета. Поэтому если судить его за всё и сразу, то с ненулевой вероятностью тот мог все обвинения отбить и выйти на волю молодым, красивым и здоровым. Поэтому, выражаясь метафорически, имело смысл есть пирог небольшими кусочками, то есть дробить обвинение по эпизодам и в случае оправдания обвиняемого в одной юрисдикции, передавать его в другую для нового суда.

Может показаться удивительным, но самого кровавого из убийц того времени было решено судить за убийство своего друга {и предположительно подельника по многих преступлениях} Бенджамина Питезеля и связанную с этим убийством страховую аферу. Если бы суд оправдал обвиняемого, то предполагалась его экстрадиция в Индианаполис, где планировался суд по обвинению в убийстве Говарда Питезеля. Если Холмса оправдывали и там, то далее рассматривались два варианта развития событий – Маджета-Холмса надлежало экстрадировать в Техас, где его можно было судить по широкому кругу обвинений, включающих в том числе и убийства сестёр Уилльямс и Джорджа Томаса, либо выдать Канаде, где его должен был ждать суд за двойное убийство сестёр Питезель в Торонто. Как бы ни был удачлив Маджет-Холмс, один из многочисленных судебных процессов должен был привести его на виселицу!

Логика американских «законников» выглядела железной. Начинать следовало с суда в Филадельфии по обвинению в убийстве Питезеля и страховом мошенничестве. В этом месте наверняка кто-то вспомнит о вдове Бенджамина Питезеля, которая, напомним, в ноябре 1894 г. была арестована и заключена в женское отделение той же самой тюрьмы «Мойяменсинг», в которой находился её «чёрный ангел» Маджет-Холмс. Женщина считалась подельницей последнего, соучастие которой в страховом мошенничестве выразилось в недонесении и разнообразных пособнических действиях, согласованных с Холмсом.

В последующие месяцы, однако, роль этой женщины в случившемся подверглась переоценке. Фактически её перевели в категорию потерпевшей, выпустили из тюрьмы и решили использовать в качестве свидетеля обвинения. То есть в каком-то смысле вдова Питезеля повторила путь супругов Квинлан, которые из соучастников преступлений Маджета-Холмса превратились в его обличителей. Подобные зигзаги вполне отвечали духу тогдашнего (да, впрочем, и сегодняшнего!) американского правосудия, которое очень любит использовать всевозможные сделки с обвиняемыми, причём порой весьма сомнительного свойства.

Чтобы более не возвращаться к вдове Питезеля и её роли в отвратительной истории убийства её злополучного муженька, хочется заметить, что Кэри плохо подходит на роль заблудшей овечки, обманутой злобным изувером Маджетом-Холмсом. Категорически не верится в то, что она не знала о готовящейся афере со страхованием жизни Бенджамина и то обстоятельство, что она отпустила двух дочерей и сына с Маджетом свидетельствует о её полном доверии этому человеку!

Кэри Кэннинг с младшей из дочерей на руках в суде.

И заметьте, Кэри отпустила старшую дочь не для прогулки по музеям или отдыхе на пляже, а для участия в процедуре эксгумации и последующего официального опознания трупы отца! Конечно, Кэри и её старшая дочь были уверены в том, что Бенджамин Питезель жив и под его фамилией похоронен другой человек, но тем не менее, какая разумная мать отпустит родную 14-летнюю дочь для участия в столь неприятной и травмирующей психику процедуре?! Что было в голове у Кэри Кэннинг, когда она отпускала своих детей с чужим человеком?

Интересен и другой аспект, который вряд ли оставит равнодушным адекватного человека. Миссис Питезель наблюдала личную жизнь Германа Маджета-Холмса на протяжении многих лет, она не могла не знать присущую этому человеку весьма свободную манеру общения с женщинами (назовём похоть Маджета этим нехитрым эвфемизмом), знала, что тот постоянно окружён любовницами, сменяющимися непрерывным калейдоскопом. Как зрелая разумная мать могла отпустить совсем юных дочерей с таким мужчиной в продолжительную поездку? Да, миссис Питезель могла доверять Маджету и скорее всего, действительно дове-

ряла полностью и безоговорочно, но тут уже впору говорить не о доверии, а об элементарном здравом смысле.

В общем, поведение миссис Питезель рождает очень много нехороших вопросов и положила руку на сердце, следует признать, что её можно было привлекать к уголовной ответственности. Если бы она запретила старшей дочери участвовать в опознании трупа отца, то, глядишь, и дети остались бы живы, и ход всей этой истории оказался бы совсем иным. Но окружной прокурор Грэхем закрыл глаза на изложенные выше обстоятельства и решил, что миссис Питезель уже достаточно наказана.

Что ж, может в таком милосердии и имелся некий смысл.

В августе 1895 г. Маджет-Холмс принял католичество. Поверить в искренние чувства этого человека невозможно просто потому, что для любого настоящего христианина движение по пути добродетели начинается с признания собственной греховности и покаяния, а сидевший в тюрьме «Мойяменсинг» арестант ничего похожего на раскаяние так и не изобразил. Ни в августе, ни позже. Комедия с обращением к «истинной христианской вере» понадобилась ему из сугубо утилитарных соображений – католичество конце XIX столетия в Пенсильвании, как, впрочем, и в других штатах Восточного побережья, являлось доминирующей конфессией, число католиков стабильно превышало 30% населения. Обвиняемый явно рассчитывал произвести хорошее впечатление как на жителей Филадельфии в целом, так и на членов жюри присяжных в частности. Маджет регулярно встречался с преподобным Дэйли (Dailey), наставлявшим неофита, но принятие католического вероучения никак на поведении Гермманна не отразилось. Свою причастность к каким-либо преступлениям он отрицал и не уставал повторять всем, желающим его слушать, что в силу своего доброго нрава и отзывчивости сделался жертвой сестёр Уилльямс, скрывшихся от него в Великобритании.

23 сентября Холмс был доставлен в окружной суд, где судья Финлеттер (Finletter) постановил, что судебный процесс по обвинению Гермманна Маджета-Холмса в убийстве Бенджамина Питезеля должен начаться 28 октября 1895 г. Журналисты, увидевшие Гермманна Маджета после довольно продолжительного перерыва, отметили его бледность, характерную для всех тюремных заключенных, и безукоризненный внешний вид. «Холмс выглядел бледным и равнодушным, при этом он безупречно опрятен». – написал один из газетчиков (дословно: «Holmes looked pale and wan, but immaculately neat.») Эта фраза впоследствии не раз повторялась в разных вариантах на протяжении многих месяцев. Обвиняемый изображал из себя эдакого почтенного джентльмена, оказавшегося в тюрьме в силу юридической ошибки, но не утратившего благородства. Несомненно, создаваемый Маджетом имидж являлся неотъемлемым элементом выбранной им стратегии защиты.

В назначенный день суд начался. Председательствовал на процессе судья Майкл Арнольд (Michael Arnold), обвинение поддерживали окружной прокурор Джордж Грэхем (George S. Graham) и его помощник Томас Барлоу (Thomas W. Barlow), защищали Холмса адвокаты Шумейкер (Shoemaker) и Ротан (Samuel Rotan).

На фотографиях Германн Маджет кажется человеком спокойным и флегматичным. Возможно, подобное впечатление проистекает из вида его «моржовых» усов, придающих их обладателю солидный и даже степенный вид. На самом деле, впечатление сие обманчиво, из протоколов судебных заседаний и газетных статей можно заключить, что Маджет-Холмс был болтлив, склонен к демагогии и подобно всем нарциссам стремился постоянно находиться в эпицентре внимания. Поведение его нельзя не назвать инфантильным и крайне незрелым для 35-летнего мужчины, хотя на женщин известного сорта он умел производить впечатление.

Ходатайства о переносе судебного процесса на территорию другого округа или отсрочке были ожидаемо отклонены. Дело имело столь значительный резонанс, что любая задержка грозила неожиданными политическими последствиями, а потому власти штата демонстрировали намерение покончить с судом в максимально сжатые сроки. Выбор присяжных прошёл без каких-либо осложнений, что следует признать до некоторой степени странным, поскольку именно процесс обсуждения кандидатов в члены жюри можно было затягивать весьма заметно и притом без каких-либо явных нарушений процедуры.

Причуды начались на следующий день процесса.

После того, как главный обвинитель Грэхем закончил чтение обвинительного заключения, Маджет неожиданно широко улыбнулся и, обернувшись через плечо, окинул взглядом сидевших в зале. Вид у него был высокомерный и самодовольный. Эту странную улыбку видели многие, присутствовавшие в зале заседаний, и её неуместность отметили все видевшие. В последующие дни появились газетные публикации, где эту улыбку не просто упоминали, но и пытались анализировать. Кто-то из журналистов здраво заметил, что список грехов подсудимого, по-видимому, столь велик, что обвинение в одном убийстве и страховом мошенничестве кажутся ему смехотворными, а кто-то ставил под сомнение вменяемость Маджета. Последний вопрос, кстати, представляется заслуживающим внимания, поскольку поведение Германна действительно заставляло задуматься о его адекватности. Что, кстати, ярко продемонстрировали события последующих часов.

Закончив с обвинительным заключением, судья обратился защитникам с вопросом, понимают ли они сущность выдвинутых обвинений и имеют ли замечания по содержанию оглашенного документа?

Адвокат Шумейкер тут же заявил, что ввиду большого объёма данных, предоставленных стороной обвинения, он ходатайствует о переносе процесса на 60 суток. Со стороны адвоката это была явная наглость, ведь вопросы отсрочки процесса [как и его переноса в другой округ] рассматривались буквально накануне! Судья парировал просьбу Шумейкера, заявив, что тот имел в своём распоряжении 60 суток, что следовало признать вполне достаточным для организации защиты. Адвокат стал спорить, настаивая на том, что для доказательства *alibi* Холмса ему необходимо отыскать свидетелей в других городах США и обеспечить их явку в суд. Судья в ответ возразил, что в абсолютном большинстве судебных процессов адвокатам не предоставляют даже тех 60 дней, что получила защита в данном деле. В общем, возникла перебранка, и дабы положить ей конец, судья Арнольд был вынужден повысить голос и стукнуть своим молоточком.

Но далее поднялся адвокат Сэмюэл Ротан, который сказал то же самое, что и его коллега, только другими словами. Он заявил, что обвинительное заключение в нынешней редакции было получено им всего 35 суток назад, чего явно недостаточно для организации защиты. А посему рассмотрение дела по существу надлежит перенести хотя бы на 60 суток.

Судья в этом месте, по-видимому, закипел и тут же отклонил прошение, во всём аналогичное отклоненному ранее.

Тогда со своего места снова поднялся адвокат Шумейкер и... не надо смеяться, заявил прошение о том, чтобы судья Арнольд отозвал собственный отказ, вынесенный менее минуты назад. Согласитесь, похоже на юридический троллинг, причём не очень даже и тонкий!

Судья Арнольд, по-видимому, подумал о том же самом и заявил, что его решение безотзывно и не будет пересмотрено! Если вы подумали, что эти слова поставили точку в полемике, то – нет! – на самом деле, с этого момента всё самое интересное и началось.

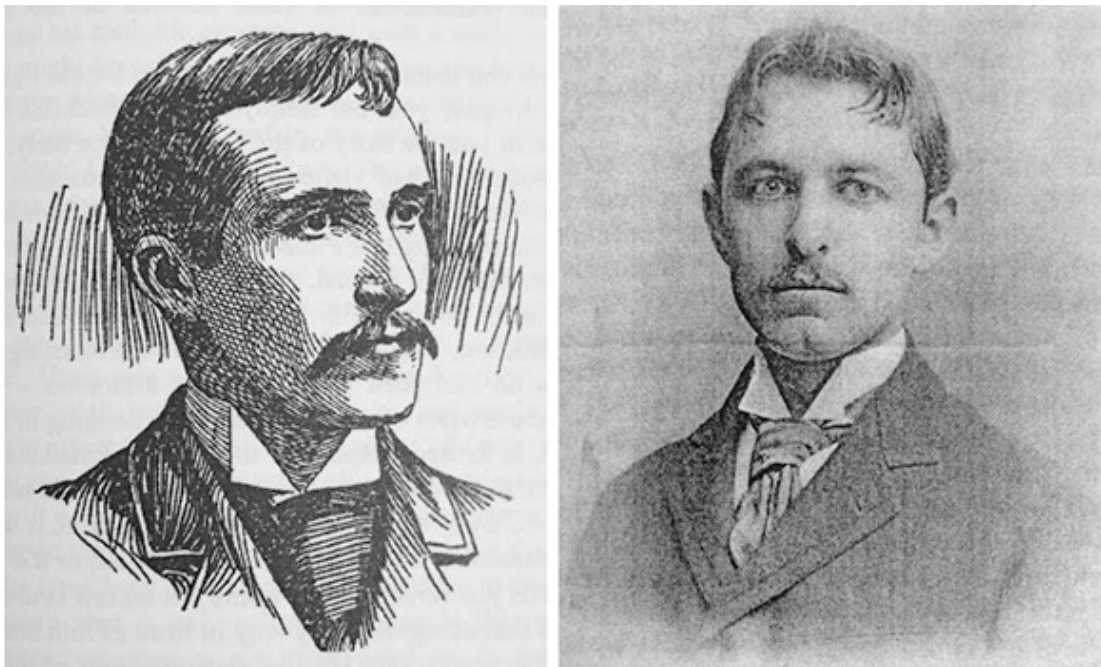

Судья Майкл Арнольд

Тут же подскочил адвокат Ротан, который сообщил о том, что защита в случае отказа судьи отозвать собственный отказ [простите автора за тавтологию!] будет вынуждена выйти из процесса ввиду невозможности исполнения своих обязанностей. Это была явная адвокатская заготовка, своеобразный шантаж, призванный добиться переноса процесса. Судья на эти уловки не поддался и обострил ситуацию со своей стороны, заявив, что выход адвокатов

из процесса по озвученной причине является «непрофессиональным поведением» и приведёт к утрате обоими юристами адвокатских лицензий.

Далее склока пошла по нарастающей, не смолчал, разумеется, и обвинитель Джордж Грэхем, вставивший свои «пять копеек» в милую сердцу любого юриста профессиональную склоку.

Защитники Маджета-Холмса на первом этапе судебного процесса адвокаты Шумейкер (рисунок слева) и Ротан.

В какой-то момент к перепалке подключился обвиняемый. Он пафосно заявил, что усматривает в появившемся конфликте угрозу собственным интересам, а потому отказывается от услуг адвокатов. Разумеется, эти слова не были экспромтом и такой шаг также обсуждался им со своими защитниками на этапе подготовки к процессу.

Далее последовала острая и довольно продолжительная полемика, связанная с возможностью ввода в процесс новых адвокатов, незнакомых с деталями расследования. Также оказались затронуты финансовые вопросы и платёжеспособность обвиняемого. Чтобы положить конец пререканиям, судья Арнольд заявил, что может назначить новыми защитниками Эверетта Шофилда (Everett A. Schofield) и Джеймса Фэхи (J. M. Fahy) – это были адвокаты, не использовавшие покуда квоту на оказание бесплатных услуг³.

Подсудимый тут же заявил, что не согласен с назначением ему бесплатных адвокатов, он не просил о подобном одолжении и имеет достаточно денег для того, чтобы оплатить услуги того защитника, которому доверяет. Поскольку Шофилда и Фэхи он не знает и никогда не слышал отзывов об их работе, то с назначением их своими защитниками не согласен и настаивает на их замене.

Поскольку сказанное прозвучало разумно и не нарушало закон, судья был вынужден согласиться с Маджетом. Он поинтересовался, кого же тот хотел бы видеть своими защитни-

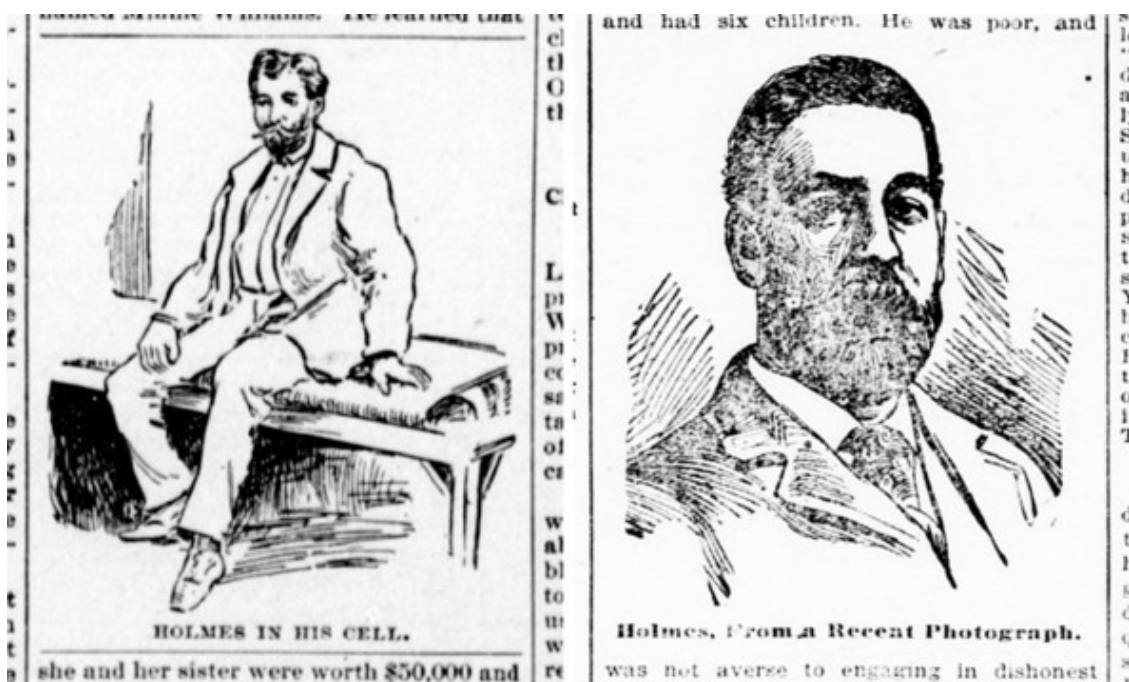
---

³ Все адвокаты независимо от коммерческих расценок, должны были отработать определенное количество часов бесплатно, защищая в суде тех, кто не имеет возможности нанять защитника за деньги. Квоты на бесплатную защиту в разных штатах в разные исторические периоды были различны, но обычно они колебались в районе 50 часов в год.

ками? Подсудимый ответил, что согласен вручить свою судьбу в руки филаделфийскому адвокату Муну, а вот в качестве второго адвоката он хотел бы предложить себя.

Судья объявил перерыв и поручил судебным маршалам отыскать Муна и пригласить его для обсуждения возможного участия в процессе. К счастью, адвоката отыскивали быстро – тот как раз находился в здании суда и буквально через четверть часа прибыл к судье Арнольду. Узнав, по какой причине судья стал его разыскивать, адвокат моментально отказался защищать Маджета-Холмса на условиях последнего. Мун заявил, что либо он будет защищать Холмса самостоятельно и делать это так, как считает нужным, либо не будет защищать его вообще.

То, что адвокат отказался сотрудничать с подзащитным, весьма примечательно. Разумеется, Мун понимал, почему надлежит поступать именно так, а не иначе. Среди уголовных преступников процент разного рода неадекватов и психотиков намного превышает аналогичный показатель для среднестатистического человеческого сообщества.

Зарисовки газетных репортёров второй половины 1895 г. Холмс до суда отпустил бороду, что сразу добавило его облику солидности. По-видимому, он предполагал своим степенным внешним видом воздействовать на присяжных и судью, но склонность к демагогии и разного рода скандальным выходкам сводила эти усилия на нет. Нельзя не удивляться тому, как очень неглупый человек оказался совершенно неспособен к сколько-нибудь объективной самооценке.

Мы не сильно ошибёмся, если скажем, что в мир уголовных преступников инфильтруются преимущественно люди с психологическими и психиатрическими изъятиями. Значительный процент этих лиц является душевнобольными явно, кроме того, многие пребывают в пограничных состояниях. Те же, кого с точки зрения строго медицинских признаков можно считать здоровыми, живут в условиях стресса и лишены здоровых нравственных ориентиров. Ложь, предательство, корысть во всех мыслимых проявлениях – это с точки зрения профессионального преступника не пороки, а добродетели, помогающие выживать. Какое-либо созидательное взаимодействие с такими людьми крайне затруднено. И адвокат Мун прекрасно понимал, что если такому человеку, как Маджет-Холмс, предоставить равные права, то никакого дельного взаимодействия не получится. Маджет будет совать нос во все нюансы, попытается командовать, полностью развалит защиту, а потом обвинит в случившемся адвоката.

Известно множество скандалов жестоких убийц с собственными защитниками. Все помнят, как Тед Банди защищал самого себя, доказывая, что он способен это сделать лучше любого адвоката, но подобные самонадеянные попытки можно видеть со стороны многих серийных убийц. И когда их потуги закономерно заканчиваются эпическим провалом, все эти персонажи в один голос начинают доказывать, что оказались они за решёткой исключительно по вине «бестолкового» адвоката, неспособного защитить его – такого умного, находчивого и ловкого – от прокурорского крючкотворства.

В этом отношении Маджет-Холмс продемонстрировал точно такие же самонадеянность и самовлюбленность, что спустя много десятилетий мы видели в поведении Теда Банди, Кеннета Бьянки, Ричарда Рамиреса и многих, многих других самовлюбленных нарциссов. Адвокат Мун прекрасно знал такой сорт людей и благоразумно самоустранился, здраво рассудив, что моральные издержки от работы с Маджетом-Холмсом намного превзойдут потенциальные бонусы от сенсационного процесса.

После продолжительных переговоров Сэмюэль Ротан согласился вернуться к защите Маджета и в дальнейшем оставался с ним до самого конца. Надо сказать, что описанные выше продолжительные словопрения оказались не единственными такого рода в ходе судебного процесса. Другой «фишечкой» Маджета, которой он регулярно пользовался для того, чтобы выводить из себя обвинителя и судью, стали бесконечные упоминания «любимой супруги» Джорджины Йоук. Маджет, напомним, фактически являлся троежёнцем, то есть он трижды женился, не оформляя развода с предыдущей супругой. Ко времени суда эти обстоятельства были уже хорошо известны. С точки зрения Закона, подсудимый оставался женат на Клэр Ловеринг, а потому Джорджина Йоук могла довольствоваться статусом любовницы, но никак не «любимой супруги». Но обвиняемый упрямо называл её именно так и делал это даже тогда, когда ситуация совсем этого не требовала.

Каждое высказывание такого рода Германна Маджета вызывало нервную реакцию обвинения, которую всегда разделял судья. Не может быть сомнений в том, что обвиняемый умышленно провоцировал это раздражение, выражаясь языком современных интернет-пользователей, он «троллил» противную сторону, но цель такого поведения, честно говоря, совершенно непонятна.

Маджет-Холмс вёл себя очевидно неразумно. За его дурацкими выходками следили присяжные и никакой симпатии кривляние подсудимого вызвать не могло. Совершенно непонятно, какую цель он преследовал, напоминая раз за разом окружающим о том, что он с точки зрения закона нравственного и юридического является многоженцем, причём таким многоженцем, который бросал собственных детей!

Выходки Маджета в суде, а также вредившая самому обвиняемому склонность к демагогии, заставили многих, наблюдавших за ходом судебного процесса, задаться вопросом, насколько же Германн вменяем? Тема эта периодически всплывала в печати, журналисты открыто высказывали собственные суждения на сей счёт. Не будем забывать, что в конце XIX столетия учение Ломброзо о связи дегенерации с девиантным поведением получило широкое распространение, так что все рассуждения такого рода падали на подготовленную почву и находили благодарного читателя. Маджет-Холмс, читая подобные публикации, впадал буквально в неистовство, он крайне болезненно относился ко всем рассуждениям на тему собственной дегенеративности.

Иллюстрация из статьи с говорящим названием «Доказано: Холмс – дегенерат». Нам доподлинно известно, что Маджет-Холмс с большим вниманием следил за публикациями о самом себе и крайне раздраженно реагировал на любые высказывания, связанные с темой его физического вырождения.

Обвиняемый устроил из процесса настоящее шоу, делая самые невероятные заявления и утверждая, будто явился жертвой заговора недоброжелателей. Защита его свелась к утверждениям, из которых следовало, что он действительно задумал страховую аферу с участием Бенджамина Питезеля, но последний в какой-то момент впал в депрессию и покончил с собою. Маджет не признавал очевидные вещи, спорил со свидетелями, выдвигая порой неожиданные требования.

Так, например, когда Юджин Смит – тот самый человек, кто обнаружил труп Питезеля – занял свидетельское кресло и вытащил из кармана стопку листов, Холмс буквально взвился на своём месте и потребовал изъять эти записи. Смит пытался объяснить суду, что ввиду давности событий, о которых ему предстояло свидетельствовать, он сделал хронологическую выписку из своего ежедневника, но Холмс не давал ему говорить и твердил, что в руках Смита шпаргалка, составленная прокурором. В конце концов судья Арнольд поддался воплям Маджета, приказал Смицу убрать записи и в дальнейшем отвечать на вопросы, полагаясь только на собственную память. Штришок вроде бы мелкий, но очень показательный.

Любопытный перелом в поведении обвиняемого произошёл на третий день, когда в зале суда появилась Джорджина Йоук. Она была вызвана как свидетель обвинения. Появление супруги сразило Маджета, он заплакал. Ну как заплакал... правильнее сказать, что некоторым репортёрам показалось, будто в глазах подсудимого заблестели слёзы. Хотя кое-кто из газетчиков написал, что слезы Маджета были вызваны любовью и раскаянием, думается, убийца десятков детей и женщин был неспособен испытывать эти чувства в принципе. Впрочем, авторская ирония в этом месте вряд ли уместна. Если убийца и заплакал тогда, то совсем по другой причине. Маджету-Холмсу, прирожденному манипулятору окружающими, в ту минуту действительно тяжело было сознавать, что бывшая раба его прихотей прозрела и вышла из-под обаяния таких крепких прежде чар.

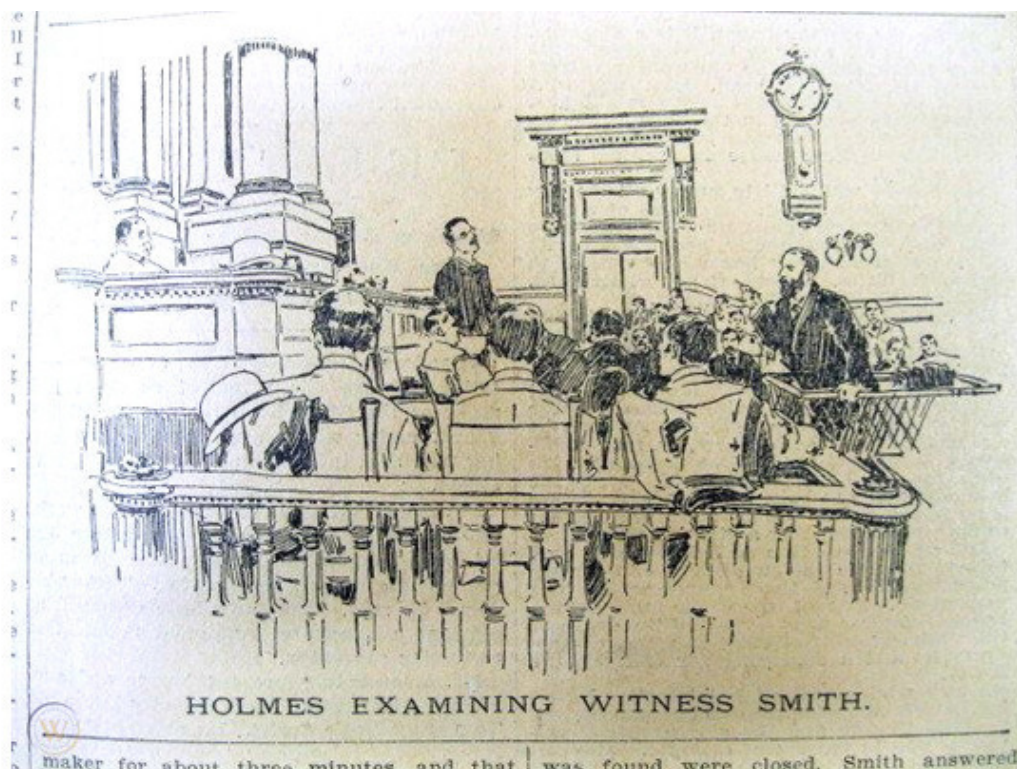

Иллюстрация из газеты: Маджет-Холмс задаёт вопросы свидетелю обвинения Юджину Смиуту. Подсудимый пользовался своим правом допрашивать свидетелей и вступал порой в абстрактные прения, не сулившие ему никаких бонусов. Совершенно непонятно, что им двигало и отдавал ли он себе отчёт в том, что тратит время и силы на совершенно бесперспективное занятие?

Показания Джорджины Йоук оказались довольно бесцветными и малоинформативными. Судя по всему, женщина очень мало знала того, кого считала своим мужем. Наверное, она была наивна, верила суженому и не допускала мысли о возможности масштабного обмана. Она сообщила суду, что познакомилась с Холмсом в городе Франклин, штат Индиана, свой медовый месяц они провели в Денвере. Самый интересный момент её рассказа связан с упоминанием об удивительном везении Германна, заработавшего на биржевой игре 37 тыс. \$. Сумма эта выглядела совершенно фантастической для того времени, если считать, что с конца XIX столетия покупательная способность доллара США значительно понизилась [в 30—50 раз в зависимости от методики подсчёта], получалось, что Холмс умудрился заработать около 1,5 млн. современных американских долларов. Наверное, источником этих денег явились отнюдь не биржевые спекуляции, а какие-то сугубо криминальные проделки, но суд в Филадельфии эти детали не заинтересовали. Вообще же, история отношений Холмса с Джорджиной Йоук представляется своего рода «серой зоной», мы вроде бы имеем представление об общей канве событий, но многие детали остаются неизвестны и потому логика происходившего тогда зачастую от нас ускользает.

Обвинение, тщательно реконструировало детали страховой аферы с участием Бенджамина Питезеля и все последующие действия Маджета, связанные с получением денег (экспуатация трупа Питезеля, опознание его дочерью и пр.). Разумеется, в суде был поднят вопрос о вызове для дачи показаний Элис Питезель, 14-летней девочки, опознававшей труп отца, и разумеется, обвинитель объяснил, почему такой вызов невозможен. Таким образом, хотя обвинения в убийствах детей не входили в компетенцию судебного разбирательства, говорить о том, что подсудимый подозревается в убийстве трёх из пяти детей своего друга, пришлось.

Нетрудно догадаться, что выяснение такого рода деталей не сулило подсудимому ничего хорошего.

Говоря о суде над Маджетом-Холмсом, вряд ли можно обойти молчанием показания супругов Квинлан, тех самых, что остались в чикагском «Замке» после отъезда Питезеля и самого владельца заведения. Помните шакала Табаки из мультфильма «Маугли»? Вот такими шакалами показала себя чета Квинланов. Особенно выразителен в роли мелкого, трусливого предателя оказался Патрик. Всем было ясно, что он заключил сделку с прокуратурой и будет «топить» своего прежнего работодателя, но бывший дворник делал это не просто скрупулёзно и старательно, а прямо-таки, с упоением. Он рассказывал о том, что Холмс не ограничивался изготовлением скелетов из тел умерших – он не брезговал и банальным грабежом могил. То есть, обнаруживая в захоронениях более или менее качественные вещи – ремни, обувь и т. п. – продавал их старьевщикам. Бывшего патрона Патрик характеризовал такими выразительными эпитетами как «грязный» («dirty»), лживый («lying»), «подлый» («scoundrel») и т. п. Автор не спорит с тем, что Маджет-Холмс был грязным, лживым и подлым человечешкой, но одно дело, когда такие суждения выносит детектив вроде Гейера, посвятивший свою жизнь борьбе с подобным нечистью, и совсем другое – тварь, подобная Квинлану. Не будем забывать, что этот негодяй деятельно помогал воровать трупы с кладбищ и отмывал использованные гробы, для последующей продажи, так что воистину уж чья бы корова мычала...

Чтобы закончить с этим малосимпатичным персонажем и более не возвращаться к нему, сообщим, что Патрик Квинлан прожил оставшиеся годы своей жизни, окруженный абсолютным отчуждением. Многие считали, что освобождение Квинлана от уголовной ответственности является ошибкой Правосудия, никто не верил в то, что тот мог на протяжении нескольких лет жить в «Замке» и не знать о происходивших там убийствах. Удивительно даже, как Квинлан сумел прожить после суда над Холмсом ещё почти два десятилетия – в Америке тех лет легко можно было словить пулю даже за меньшее. Тем не менее, Квинлан случайную пулю не словил и на «перо» не сел. 7 марта 1914 г. он покончил с собой, приняв пестицид со стрихнином. Умирал он долго и в тяжёлых мучениях, на столе у его кровати была найдена лаконичная записка: «Я не могу спать» («I could not sleep.»)

Автор полагает, что комментарии излишни.

Следует признать, что суд над Маджетом-Холмсом оказался довольно короток. Примерно в то же самое время в Калифорнии судили Теодора Дюрранта, преступлениям которого посвящён один из очерков, вошедших в книгу I «Американских трагедий»⁴, так тот процесс продлился аж 103 дня! В Филадельфии местная Фемида уложила менее чем в неделю и уже 3 ноября 1895 г., Германн Уэбстер Маджет был признан виновным в преднамеренном убийстве 1 степени Бенджамина Питезеля, совершенном для получения страховой премии. Присяжные заседатели совещались чуть более двух часов и вынесли свое решение единогласно. Следует признать, что иной вердикт в той обстановке показался бы странным и даже подозрительным, поскольку обвинение выглядело очень убедительно.

Учитывая то, какую репутацию обвиняемый заработал благодаря публикациям в прессе и то, как вёл он себя во время судебного процесса, можно было не сомневаться в том, что смертный приговор его не минует.

Так и случилось. Уже 7 ноября 1895 г. Германн Маджет был осуждён к смертной через повешение.

Адвокат Сэмюэль Ротан заявил, что на приговор обязательно будет подана апелляция, поскольку в ходе суда был нарушен ряд фундаментальных прав подсудимого, в частности право

---

⁴ Имеется в виду очерк «Убийства в церкви или Неизвестная история неизвестного серийного убийцы», размещенный в книге I «Американские трагедии. Хроники подлинных уголовных расследований XIX – XX столетий», выпущенной в марте 2021 г. на книгоиздательской платформе «ридеро».

на беспристрастный состязательный суд и право защиты в суде. В качестве доказательства предвзятости жюри присяжных, апеллянт ссылаясь, в частности, на интервью одного из членов жюри, в котором тот заявил, что члены жюри приняли решение о виновности обвиняемого в течение всего одной минуты и находились в совещательной комнате более двух часов только для того, чтобы «соблюсти приличия». Аргумент, конечно же, жидковат, трактовать сказанное – если только эти слова соответствуют действительности – можно двояко. Члены жюри могли совещаться менее минуты вовсе не потому, что имели предубеждение в отношении обвиняемого, а из-за того, что доказательства обвинения оказались очень убедительны.

Апелляция Маджета была передана в Верховный суд штата Пенсильвания 3 февраля 1893 г., её рассмотрение не затянулось и ровно через месяц – 4 марта – последовало формальное отклонение [что следует признать вполне ожидаемым исходом]. Тогда преступник заявил, что уповает на христианское милосердие губернатора штата, обладавшего правом помиловать приговоренных к смерти.

По прошествии недели – 12 марта 1896 г. – Департамент юстиции штата распространил заявление, в котором сообщил о назначении даты исполнения приговора сообразно загрузке тюрьмы и палача. Казнь Маджета-Холмса назначалась на 7 мая.

11 апреля вдова Питезеля в присутствии адвокатов собрала пресс-конференцию, в ходе которой сообщила, что обратилась в окружную прокуратуру Индианаполиса, а также к прокурору Торонто с просьбой передать ей останки детей. Также она просила вернуть ей все личные вещи детей, обнаруженные в ходе их розысков. Разумеется, не обошлось без материальных претензий (куда ж без них, так ведь?). Вдова заявила, что будет добиваться получения денег от Маджета-Холмса на основании того, что осенью 1894 г. тот во время имевших место встреч выманивал у неё деньги на личные нужды. Также Кэри Кэннинг сообщила о намерении вчинить иск адвокату Джепте Хау, тому самому юристу из Сент-Луиса, что участвовал в страховой афере её мужа. Исковое требование также сводилось к получению денег, переданных адвокату Холмсом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.